

18+

Дэн Во

СЛАБИТЕЛЬ СВИДЕЛИ

Дэн Во
Спаситель Свиней

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Во Д.

Спаситель Свиней / Д. Во — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-5320-9354-6

Что, если монстры существуют, но о встречах с ними мы предпочитаем умалчивать? Что, если истории, которыми нас пугали, выдумки лишь отчасти? Из всей совокупности персонажей шоу ужасов реален только один. И вы знаете его имя. Его зовут маньяк-психопат. Сможет ли группа отважных и отчаянных следователей справиться с самым жестоким представителем людской расы? В новом романе Дэна Во вас ждет встреча с монстром, нашедшим ответ на вопрос: тварь он дрожащая или право имеет? И право, которым он себя наделил – вершить человеческие судьбы.

ISBN 978-5-5320-9354-6

© Во Д., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

В центре грозы	5
Часть 1. МОСТ В ПРОШЛОЕ	9
Глава 1: Последний полицейский	9
Глава 2: Смотрящий в ночь	11
Глава 3: Дворовой судья	14
Глава 4: Твердость руки	17
Часть 2. В ПОГОНЕ ЗА ПРИЗРАКАМИ	21
Глава 5: Фонари	21
Глава 6: Рассвет	23
Глава 7: Созидающий	26
Глава 8: Умные свиньи	29
Глава 9: Про психов и полицейских	31
Глава 10: Сосед	39
Глава 11: Больница	45
Глава 12: Начальство	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

В центре грозы

«И бесы просили Его: если выгонишь нас, то пошли нас в стадо свиной».

Евангелие от Матфея, 8:32.

14 мая 1989 года.

Старший следователь Ян Алистов, специализирующийся на раскрытии преступлений против личности, возвращался домой на вишневой Альфа-Ромео 1300-й модели после вечернего корпоративного застолья. Руководство отдела устроило небольшой праздник в честь завершения затяжного скандального расследования.

– Длвившееся полгода дело «психопата из Модран», – сказало радио, Алистов прибавил громкость, – сегодня закончилось признанием подозреваемого Карела Дворжака виновным в похищении и последующем убийстве 2х человек. Причастность еще к 11 случаям доказать не удалось. Суд признал Дворжака невменяемым и направил в судебное отделение психиатрической лечебницы закрытого типа. Думаю, теперь все мы можем вздохнуть с облегчением.

– Так и есть, – произнес Алистов. Он не без основания считал, что сыграл в расследовании немаловажную роль, и теперь надеялся на повышение.

Сейчас его машина мелькала красными вспышками в галерее зеркальных витрин. Дождь, закончившийся за час до этого, прибил всю дорожную пыль. Полицейский бросил на заднее сидение бутылку шампанского в праздничной обертке с надписью «лучшему следователю!», протянул руку к окну; пальцев коснулась прохлада.

Он остановил машину возле магазинчика табачных изделий в надежде, что симпатичная продавщица Мэри обратит на нее внимание. Перед тем, как отправиться внутрь, он бегло осмотрел себя в зеркале заднего вида, поправил растрепанные ветром волосы.

Мэри встретила его с улыбкой на лице. Они виделись всего пару раз, но она его запомнила.

– Ой, кто к нам пожаловал в столь поздний час? – спросила она и кокетливо закусила губу.

Алистов легко улыбнулся уголком рта.

– Одну пачку Ротманс, пожалуйста.

– Прекрасный выбор! – произнесла она с актерским энтузиазмом. – Я слышала, что раньше такие покупали только истинные аристократы.

– Не только раньше, но и сейчас, – он взглянул на неровные ряды сигаретных блоков. – Наверное, не просто работать в таком месте?

– Не сложнее, чем быть полицейским.

– С чего Вы решили, что я из полиции?

– Просто догадки, и что-то мне подсказывает, что я не ошиблась.

Он негромко цокнул языком.

– На одних догадках дело не построишь.

Мэри пробила чек, затем оценивающе взглянула на его машину.

– Какая симпотяжка.

– Хотите прокатиться?

Она сомнительно покачала головой.

– Как Вы уже заметили, у меня много работы. Я заканчиваю через 2 часа, после чего за мной заедет брат, если не забудет. Иначе придется идти пешком и надеяться, что Вы успели изловить всех преступников.

– Не всех, но за час управлюсь, – он подмигнул. – Как насчет завтра?

– Увы, завтра я занята.

Надеясь, что он проявит больше упорства, она стрельнула глазами.

– А послезавтра? – спросил он.

Она секунду делала вид, что раздумывает над ответом, который уже был готов.

– Допустим, свободна.

– Я заеду.

– Сюда?

– Вы же сказали, что свободны.

– Верно.

Алистов нахмурился и вздохнул. Мэри улыбнулась.

– Заеду, куда угодно. Скажете свой номер телефона?

– Я еще не решила, согласиться мне, или нет.

– Я настаиваю.

– Ладно, скажу. А Вы запомните?

– Не забуду.

– Нет, все-таки, я лучше запишу.

Она нацарапала номер карандашом на только что купленной пачке сигарет. Алистов расплатился и поблагодарил ее. Провожая его взглядом, она добавила:

– Мне кажется, что сегодня Вы выбрали неспроста такой маршрут для поездки за сигаретами.

Еще несколько минут он наблюдал за улыбчивой Мэри из окна машины. Затем в табачный магазин вошел очередной покупатель, и хозяйка включилась в работу. В ту же секунду двигатель Альфа-Ромео завелся с рычащим звуком и Алистов продолжил поездку домой.

Остановившись на светофоре улицы Неруда, пропуская группу пешеходов, он сменил радиоволну. Голос диктора зазвенел:

– А теперь о погоде. Синоптики обещали дожди всю неделю. Кто бы мог подумать: сегодня дождь, завтра снова дождь. Кажется, такими темпами скоро Прага превратится в Венецию, так что советую запастись надувными лодками для рыбалки в магазинчике Пинчера на улице Вирна. К слову о дожде: сегодня суд вынес обвинительный приговор Карелу Дворжаку, «психопату из Модран», совершавшему свои преступления исключительно в дождливое время, так что непогоды бояться больше не стоит. Приятная новость, не так ли, дамы и господа? А знаете, что еще приятно? Скидки на серию зимней одежды в магазине...»

–Целый день одно и то же, – сказал Алистов и выключил радио. Светофор замигал зеленым. Альфа-Ромео рыкнула, готовясь тронуться, как вдруг перед машиной пронесся куда-то спешащий мальчишка.

– Поосторожнее! – недовольно бросил Алистов ему вслед и тихо добавил. – Мне на этой машине еще девочек катать.

Сзади посигналили нетерпеливые водители, но очередная группа пешеходов перекрыла проезд. Они бежали, вскрикивали, оглядывались, бежали еще быстрее, непонятно от чего и почему.

– Какого черта! – возмутился полицейский. – Для кого здесь светофор!?

Затем и он увидел виновника паники. Напрягшись, Алистов машинально уперся в руль и вдавился в сидение. На проезжую часть, аккуратно перед носом его машины, вышел обнаженный сверху по пояс пожилой мужчина с длинным двуствольным ружьем в руках.

Он содрогался от холода, выскивая взглядом жертву, громко крикнул толпе впереди: «Где он!? Я видел его!», вскинул ружье и выстрелил вверх. Люди, находившиеся поблизости, бросились на мокрую землю, и лишь один парень остался стоять. Старик направил на его ружье, но в целях был неразборчив. Второй снаряд угодил в телефонную будку на противоположной стороне улицы, и та разлетелась вдребезги.

Воспользовавшись моментом, пока старик перезаряжает оружие, Алистов обнажил свой пистолет, взял преступника на мушку и выскочил из машины, спрятавшись за открытой дверью.

– Полиция! – прокричал он. – Бросай оружие, иначе я тебя прикончу, и не вздумай играть со мной!

Но старик не обратил на него никакого внимания. Зарядив патроны, вновь поднял ствол. Убедившись, что на линии огня нет гражданских, Алистов выстрелил дважды.

Старик пошатнулся и опустился на колени.

Полицейский бросил беглый взгляд по сторонам, проверил, нет ли сообщников у преступника, подошел ближе и оттолкнул ногой ружье в сторону. Перед тем, как упасть замертво, старик достал что-то из кармана, поднял глаза на полицейского и прохрипел: «Да простит всех нас господь».

Прохожие потихоньку принялись подниматься с земли, водители покидали машины. И те и те скапливались вокруг мертвого тела.

– Кто-нибудь видел, откуда он появился? – спросил Алистов.

– Я видел! – ответил зевака, указывая на открытую дверь одного из домов.

Одна девушка подошла ближе и склонилась над стариком. Удивление на ее лице сменило испуг.

– Пани? – позвал ее Алистов.

– Кажется, я знаю этого человека, – прошептала она.

– Что?

– Я знаю его. Это же пресвитер нашей церкви, пан Гасиштейнский! – Она указал на деревянные четки, зажатые в мертвой хватке.

Алистов недоумевающе нахмурился. Вдали послышался ропот быстро приближающихся сирен. Надеясь выяснить обстоятельства, предшествующие появлению вооруженного священнослужителя, следователь поспешил в проулок за парнем, в которого тот целился.

После нескольких улиц и поворотов, он заметил спешащую рослую фигуру.

– Эй, ты! – крикнул издали Алистов, рассчитывая на покладистость. – Стой на месте, я из полиции.

Неизвестный, мельком оглянувшись, сорвался и бросился наутек.

– Черт! Да стой же ты! – крикнул вслед полицейский и постарался не отставать.

Погоня продолжалась несколько минут. Уже не молодой Алистов подумал: при других обстоятельствах, уже давно бы прекратил преследование, но полицейское чутье подсказывало: если человек убегает, значит, ему есть, что скрывать.

Он нагнал неизвестного на Карловом мосту. К тому моменту на небе собрались тучи, воздух наполнила влага. Предчувствуя непогоду, люди спешили поскорее убраться в дома.

Висевший в оперативной кобуре пистолет, при каждом шаге стучал по груди.

– Стой, или стрелять буду! – слукавил, не выдержав, Алистов.

Неизвестный, увидев на другой стороне моста огни проблесковых полицейских сирен, остановился. Его окружили, но сдаваться он не собирался. Перебравшись через ограду, он на некоторое время завис, не решаясь сброситься вниз.

Подбежавший к нему следователь, окончательно запыхавшись, согнулся пополам, а после, выпрямившись, разгадал парнишку. Его лицо оказалось знакомым.

– Что? Ты!? – удивленно спросил сам себя Алистов. – Все это время...

Вздрагивая то ли от холода, то ли от страха, державшийся за перила парнишка настойчиво пролепетал:

– Я лишь хотел, чтобы она меня простила...

Полицейский видел, что человек перед ним не вооружен и сопротивления оказывать не собирается, но вдруг для себя понял: есть лишь один надежный способ свершить правосудие.

В последний раз оглядевшись по сторонам, и убедившись, что ближайšie к нему посторонние далеко и не смогут выступить свидетелями, он громко загорланил: «Бросить оружие!», бегло выхватив из кобуры пистолет, направил его в небо и спустил курок.

И в этот момент над их головами зазвучал гром.

Часть 1. МОСТ В ПРОШЛОЕ

Глава 1: Последний полицейский

28 лет спустя.

Закатное желтое солнце светило последним лучом, придавая красным крышам в центре Праги оранжевый оттенок. Молодой следователь Кристоф Адлер наблюдал эту картину из окна просторного кабинета Генри Пчинского, 57-летнего начальника следственно-оперативного отдела по расследованию преступлений против личности. В это время сам Пчинский с особым пристрастием просматривал материалы дела, принесенные Адлером для согласования перед передачей в суд.

С оранжевых крыш по очереди пикировали голуби. Иногда они делали это парами. В кабинете зазвонил телефон, начальник протянул руку и положил ее на аппарат. Перед тем, как снять трубку, он выждал 4 звонка. Старая привычка, принесенная с прошлых лет, когда Пчинский был оперативником: только тот, кто не занят, сразу отвечает на звонок.

– Да, – сказал он в трубку. – Нет. Какие журналисты? Не сейчас, я сказал в девять, – он взглянул на наручные часы. – Да, через полчаса, а пока гони их к черту.

Повесив трубку, Пчинский раскопал среди материалов чистосердечное признание, обратился к Адлеру.

– Выходит, известный за пределами города адвокат, все-таки сознался в убийстве? Даже представить не могу, сколько шума наделает это событие. Видеофиксация допроса производилась?

– Да, – ответил следователь.

– Запись не прерывается?

– Нет.

Пчинский недовольно цокнул и покачал головой, потер влажной рукой седые виски. Балансируя в мягком кресле между правосудием и скандалом, он предпочел бы уволить следователя за беспочвенные обвинения и халатность, лишь бы не сталкиваться с властями. Но доводы, представленные в деле, были неумолимы.

Начальник снял трубку и нажал несколько кнопок; раздались тихие гудки. Подождав несколько секунд, он бросил трубку на рычаг и спросил:

– Так, что у нас завтра?

Адлер посмотрел на настенный календарь с изображением Яна Непомуцкого: 17 августа, 2017 года.

– Воскресенье, – ответил он.

– Чтобы завтра я Вас в отделе не видел. Ваша персона после сегодняшнего привлечет слишком много внимания. И никаких разговоров с журналистами об этом, – показал он на материалы, затем снова взглянул на наручные часы. – Все, что нужно знать прессе, я сообщу через 25 минут. Вы из какого кабинета?

– Из 102го.

– Зайдите по пути в канцелярию и... нет, это я поручу кому-нибудь другому. Знаете, где кабинет заместителя Куроки?

– Да.

– Найдите его и спросите, почему он не берет телефон. А лучше сразу отправляйте ко мне. Находитесь у себя, пока я Вас не отпущу. Можете понадобиться, если позвонит прокурор.

Следователь поднялся. Глубоко вздохнув, он посмотрел через широкое окно на очередного пикирующего с крыши голубя, проводив его взглядом до самой земли. Кто-то из скопив-

шихся у входа журналистов всевозможных каналов, в ожидании громкого заявления, подкармливал птиц.

– Могу ли я быть свободен? – спросил Адлер.

Пчинский, отвечая на очередной телефонный звонок, не глядя махнул на дверь.

В коридоре 4го этажа, на котором заседало все руководство отдела, стоял полумрак. Припущенные жалюзи не пропускали свет солнца. В углу, подпирая стену спиной, замер следователь Вит Новотный – высокий и коренастый мужчина с короткими густыми волосами.

– Господин, детектив! – резко выкрикнул он, когда Адлер с ним поравнялся.

Адлер вздрогнул от неожиданности.

– Тебе заняться нечем?

– Ну, что сказал наш старичок? – сбавил Новотный громкость до шепота. – Премия, или как обычно?

– Как обычно, – пожал плечами Адлер. – Ты Куроки не видел?

– Вообще, или сегодня?

– Я серьезно.

– В последний раз видел его полгода назад, на каком-то празднике с обязательной явкой.

Почти десять лет здесь работаю, до сих пор не понимаю, чем он занимается.

– Наверное, так же, как и ты – ничем.

Новотный хихикнул, но веселье быстро сменилось серьезным выражением лица.

– Кстати, кое-кто из канцелярии слышал, что вот-это вот твое дело собирались передать Куроки.

– Да ну? И что же тогда не передали?

– Может, не успели? Видимо, придется ему и дальше бездельничать, – он подмигнул и хлопнул Адлеру по плечу, после чего резко свернул на лестницу, держась за угол рукой, словно несся на большой скорости и боялся не вписаться в поворот. – Хороших Вам выходных, господин детектив.

Беспорядок, царивший в кабинете заместителя Куроки, напоминал какой-то из кругов ада, не включенный в финальный вариант «Божественной комедии» Алигьери: небольшой столик посреди кабинета завален показаниями свидетелей, протоколами и отчетами вскрытий, фотографиями бездыханных тел, которые некогда были людьми. Привычных для каждого снимков близких людей в рамке, грамот, которые многие руководители ставили на показ – ничего этого на виду не было. Поверх жалюзи висела крупномасштабная карта Праги с множественными разноцветными флажками и кнопками, и пометками от руки. Сам Уильям Куроки сидел в кресле, сняв галстук, держал в руках открытое портмоне, как блокнот. Зажатая в зубах под густыми усами шариковая ручка, напоминала бивень моржа. Кристоф постучал в приоткрытую дверь его кабинета.

– Пан Куроки, Вас вызывает к себе Пчинский.

Куроки посмотрел на время, шепнул: «Черт!» и сорвался с места.

Подходя к своему кабинету, Адлер обнаружил, что этаж опустел. По традиции последний уходящий домой, решив, что работников не осталось, погасил свет. В темноте следователь с первой попытки нащупал ручку двери, затем выключатель на стене. Частые задержки на работе позволяли производить подобные манипуляции вслепую. Он решил скрасить одиночество чаем. Стоявший в коридоре кулер оказался пустым, потому пришлось разбавлять заварку водой из-под крана. Холодный чай на вкус был много хуже горячего, но лучше, чем ничего. Адлер подвинул телефон на край стола так, чтобы до него можно было дотянуться рукой, и расположился в кресле с откинутой спинкой. Закрыв глаза, он принялся ждать, когда его дрема прервется.

Глава 2: Смотрящий в ночь

Не успело солнце уйти на покой, как один за другим занялись огнем фонари. Продавцы затворили витрины, таблички на дверцах их магазинов теперь говорили: «Закрывается». Несмотря на позднее время, улицы наполнял людской смех и множественный стук каблучков о брусчатку. Это жители Праги возвращались с работы домой, успевая по пути праздновать наступившие выходные. Присутствовали на улицах и приезжие. Держась мелкими группами, они фотографировали достопримечательности, не забывая громко их обсуждать. Ночь и в правду придавала даже самым безобидным строениям новый окрас.

Из вечернего кафе «Иль-Маршан» на Сметановой набережной, насытившись ужином, вышел мужчина средних лет по имени Дауд Бенеш. Прошел лишь месяц, как он въехал в дом вблизи Карлова моста, потому не считал себя до конца местным, но и к приезжим себя уже не относил.

Всю дорогу до дома он периодически останавливался, и воровато оглядывался по сторонам. Остановившись у входной двери, Дауд постучал по карманам своих брюк, разыскивая ключи. Над его головой сверкнула молния, где-то вдали послышался тихий гром.

– А Вы тут живете? – раздался голос позади.

– Что? – машинально спросил Дауд, хотя и расслышал вопрос. Обернувшись, он увидел на себе взгляд любопытного мальчишки. – Да, я здесь живу. А Вы, молодой человек, мой сосед? Кажется, мы с тобой еще не виделись, – он протянул руку. – Меня зовут Дауд Бенеш, а тебя?

Мальчишка внимательно посмотрел на зависшую перед ним ладонь, но пожать ее не решился.

– А Вы видели монстра?

– Монстра? – улыбнулся Дауд.

Мальчишка, увидев, что его вопрос не воспринимают всерьез, насунился.

– Мартин! – крикнула появившаяся из-за угла женщина. – Негодный ребенок. Я где сказала меня ждать?

– На перекрестке, – виновато ответил он.

– А ну, марш туда и жди!

– Хорошо, Мария.

Она недовольно цокнула.

– Я же просила не называть меня Марией, зови мамой, как все нормальные дети.

– Хорошо, мама Мария.

– Рад был познакомиться, Мартин, – сказал Дауд ему на прощание.

Мальчишка ушел. Мария нарисовала на лице улыбку, стараясь скрыть негодование, и обратилась к Дауду Бенешу, ставшему невольным свидетелем семейной «идиллии».

– Простите за весь этот спектакль. Меня зовут Мария Плетиха, я живу неподалеку. А это мой сын Мартин. Вечно проказничает. Надеюсь, он не попрошайничал?

– Нет, что Вы, не беспокойтесь, – ответил Дауд. – Миленький мальчик. Переживал, не встречали ли мы здесь монстров.

Улыбку Марии сменила неловкость.

– Это я его припугиваю, говорю, что под Карловым мостом живет вампир, который кусает непослушных детей.

– Вампир? – удивился Дауд.

– Да, тот, что из песни: «Жил по ночам под мостом человек».

– Никогда о такой не слышал.

Мария вдумчиво вздохнула, после чего ее взгляд устремился вслед убегающему мальчишке – Мартину, игнорируя сигналы светофора, норвил перейти через дорогу.

– Извините, мне пора идти. Всего доброго, пан, – отмахнулась она и помчалась за сыном.

– И Вам того же.

Дождавшись, когда Плетиха покинет поле зрения, Дауд побрел в дом. Его клонило в сон, и он надеялся, что монстры ему сегодня сниться не будут.

* * *

К наступлению глубокой ночи дождь разошелся в полную силу. Дауд вслушивался в барабанный бой капель, тщетно стараясь уснуть.

С улицы донесся смех ребенка и женщины. Дауд невольно вспомнил Марию и Мартина, и их рассказы о монстре. Тогда это казалось смешным, но сейчас, наедине с темнотой...

Его спальня располагалась на втором этаже, окно давало широкий угол обзора. Ночью вода под мостом и в правду походила на пропасть, в которой действительно кто-то живет.

– Интересно, кто придумал эту историю? – подумал он, и вдруг увидел на оконном стекле отражение света из ванной, который забыли выключить. Яркая полоска блика раздражала. Теперь Дауду казалось, что он видит ее даже сквозь закрытые глаза. Неохотно поднявшись и осторожно ступая по скрипучему полу, он добрался до выключателя. Свет исчез, наполнив комнату пустотой. Но за стеклом что-то продолжало тревожно биться: то вспыхивая, то угасая. Дауд приблизился к окну: мерцал один из фонарей Карлова моста, а под фонарем стоял пропитанный дождем человек. Его силуэт появлялся во вспышках света и исчезал вновь.

Свет вспыхнул, незнакомец перебрался через ограду. Свет погас, а когда вновь зажегся, мост пустовал, словно на нем никого и не было.

Вздвигнув, Дауд вдумчиво пробежался глазами по улице. Недоумение на его лице быстро сменилось тревогой. Он ринулся вниз по лестнице, к выходу, на улицу, к мосту, к ограде, а там, колыхаясь на волнах посреди пустоты, вниз лицом парило тело.

Дауд почувствовал, что его дыхание сперло, словно кто-то резко выкачал воздух. Зарывав, он бросился за незнакомцем с моста. Оказавшись рядом, развернул его, схватил за ворот одежды, потянул за собой, но неизвестный не поддавался, точно зацепился за что-то. Рванув на себя, Дауд наконец-то высвободил его из капкана и направился в сторону берега.

Послышался голос сверху, с моста, но слов было не разобрать. Почувствовав под ногами твердь, Дауд поднял голову и увидел впереди невысокого крепкого парня, готовящегося помочь.

– Я говорю, вызвал скорую. Они приедут через 5 минут, – громко сказал парень. – Что с ним случилось?

– Не знаю. Видел из окна, как он перебрался через ограду, а дальше – вот...

– Самоубийца?

– Не знаю..., наверное, да... перестаньте расспрашивать, лучше помогите.

Вместе они вытащили жертву на берег, поближе к свету и уложили на спину. Капли дождя разбивались о плечи и голову. После реки дождь казался приятно чистым и теплым.

Кожа утопленника уже начала терять розоватый окрас. Парень подложил ему под голову свою куртку.

– Вы, случайно, не врач? – поинтересовался Дауд.

– Нет. Скорая должна прибыть через несколько минут.

– Он умрет к тому времени.

– Хорошо, мне показывали порядок реанимационных процедур, но на практике... – запнулся парень в растерянности. – Вы знаете, что нужно делать?

Дауд перевернул утопленника, упираясь плечом в его грудь, попытался очистить легкие от воды. Уложил обратно и проверил, не запал ли язык и сказал.

– Будете нажимать с усилием ему на грудь на четыре счета, а я сделаю искусственную вентиляцию. Ясно? Соберитесь Вы уже! Спрашиваю: все ясно!?

– Да.

Они приступили. Дауд чувствовал холод губ потерпевшего. Он слышал, как за спиной мелодично пела река, забегая на каменистый берег, и свой голос, который давал счет человеку, пытающемуся вместе с ним спасти жизнь: «Раз, два, три, четыре» ...

Но потом все исчезло. Шум реки, приглушенный давлением, превратился в бесконечный прилив. Его счет казался все тише и тише, пока окончательно не растворился в грохоте его собственного сердцебиения.

– Раз, два, три... – произнес он и лишь после заметил, что парень перестал помогать.

– Кажется, он умер, – он виновато отвел взгляд. – Мне жаль.

Дауд смотрел в широко раскрытые глаза утопленника: они не двигались, даже когда на них падали капли дождя. Бездушные и остекленевшие глаза, как у фарфоровых кукол. Он не знал этого несчастного, и сейчас этот факт его почему-то сильно тревожил. Потерпевший казался таким молодым, что с легкостью сошел бы за сына. Едва он об этом подумал, как все происходящее вмиг показалось несправедливым, неправильным.

Наклонившись к помощнику, он сказал:

– Не тебе решать, кто умрет, ясно?

И продолжил реанимацию сам: раз, два, три четыре! Его громкий счет разбудил ближайших соседей. В их окнах загорались огни. Кто-то молча следил за происходящим, кто-то выражал недовольства, прося тишины. А Бенеш волновался лишь за того, кто лежит перед ним и не просыпается.

– Раз, два, три, четыре! Черт! – сломавшийся голос превратился в хрип, а глаза наполнили слезы. Ударив кулаком по груди утопленника, он крикнул: – Вставай! Раз, два, три, четыре, вставай!

Он наклонился, и наконец-то вдохнул в неизвестного жизнь.

Потерпевший вздрогнул, закашлял. Сидевший напротив помощник от неожиданности отпрянул в сторону.

– Вот так, – сказал спаситель и прижал воскресшего к своей груди. – Тише, тише. Теперь все хорошо.

– Он жив, – удивился помощник.

– Как тебя зовут?

– Что, меня? – опешил он. – Кристоф Адлер. Я полицейский.

– Очень приятно, Кристоф, меня зовут Дауд.

– Извините, что я...

– Все в порядке. Спасибо, что помогли.

Вдали слышались звуки громогласных сирен. В окна глядела вся улица.

– Кристоф, я хочу, чтобы Вы присмотрели за ним. Мне нужно возвращаться в дом. Сами справитесь?

– Да. Может, Вам лучше дождаться врачей?

Бенеш пожал плечами, покачал головой.

– Мне они ни к чему.

Адлер проводил его взглядом, накинул на плечи потерпевшего куртку и уселся рядом. В таком положении их нашли подъехавшие врачи.

Глава 3: Дворовой судья

Въезд транспорта на набережную был ограничен, потому машина скорой помощи на базе «Фиата» остановилась в проулке, выглядывая круглыми фарами из-за угла. Из автомобиля вышла молодая девушка в белом халате, держа медицинскую сумку в руках. Ее глаза выдавали накопившуюся к середине ночи усталость. И все же у нее хватало сил, чтобы перед вызовом поправить свой макияж и прическу. Издалека было видно, как она очаровательна.

Следователь и утопленник сидели в обнимку. Оба промокли от дождя и выглядели неважно. Подошедшая девушка-фельдшер не сразу поняла кто из них потерпевший.

– Меня зовут Кристина, – вежливо представилась она и не к месту улыбнулась. – Расскажите, что случилось?

– Он в реку с моста свалился, – показал Адлер рукой в сторону Влтавы. – Это я Вас вызвал.

– Хорошо, давайте-ка глянем.

Она посветила карманным фонарем в глаза потерпевшему. Пришедший на помощь санитар помог отвести его в карету. Усадив на кушетку, он раздел утопленника по пояс и наложил на лицо кислородную маску, подготовил капельницу полиглюкином.

– Он с Вами разговаривал? – спросила Кристина об утопленнике.

Адлер покачал головой.

– Ни единого слова.

– А Вы с ним до этого знакомы не были?

– Нет. И, честно говоря, лучше бы не знакомился. Если это все, что Вам нужно, прошу меня отпустить.

– Нет, подождите, пожалуйста, заполните протокол опроса очевидца несчастного случая.

Адлер нехотя осмотрел переданные ему на руки листы. Большая часть граф состояла из отпечатанного машинописного текста и стандартных форм, похожих на те, что он часто встречал в юридической документации. Он постарался заполнить протокол как можно быстрее, запнувшись лишь на пункте «место работы».

Полгода назад начальник Пчинский выругал оперативника за распространение служебных данных, хотя тот лишь указал свою должность и звание в социальном опроснике. Немного помешкав, Адлер все-таки заполнил и эту графу. Напротив строки «номер домашнего телефона», как и полагается, написал «отсутствует», а вместо рабочего указал городской номер дежурной части своего отдела полиции.

Пока Кристина просматривала заполненный протокол, Адлер наблюдал за безмятежностью утопленника, лежащего в скорой. Человек, едва не лишившийся жизни, показался ему слишком спокойным.

– Как думаете, почему он молчит? – спросил Адлер.

– Это шок, – ответила она, не отрывая глаза от документа. – Типичная реакция.

– С виду и не скажешь, что он пострадал.

– С виду – да, но мы в любом случае обязаны его обследовать. К тому же существует риск гипергидратации и отека легких, не говоря уже об отравлении токсинами.

Адлер тяжело вздохнул и тоскливо произнес:

– Извините, но эти слова не говорят мне ничего. Лучше скажите: он выживет?

Она подняла глаза от листка и легко улыбнулась.

– Конечно. Что же еще ему остается делать, кроме как жить? Кстати, а Вам нужна помощь?

– Нет. За меня не переживайте. Я всегда так выгляжу.

Она рассмеялась, прикрыв документом лицо.

– Я имела в виду вовсе не это!

– В любом случае, единственная помощь, на которую я согласен – если Вы меня до дома подбросите.

Она снова опустила глаза в протокол, выискивая его адрес.

– К сожалению, нам не по пути. К тому же мы возим только пострадавших.

– Вы хотите сказать, чтобы прокатиться с Вами, мне нужно самому утонуть?

– Если Вы хотите прокатиться со мной, тонуть вовсе не обязательно. А вот если хотите прокатиться в нашей машине – тогда да.

Водитель посигналил, произнес в приоткрытое окно:

– Кристина, мы готовы ехать.

Она махнула рукой и на прощание сказала:

– Что ж, теперь Вы свободны, Кристоф Адлер со Словенской улицы.

Полицейский еще некоторое время после убытия скорой стоял на набережной, наблюдая рассвет, и причиной тому было вовсе не романтическое настроение. Скорее опустошение, которое принесли вечер и ночь. Ему нужно было время, чтобы набраться воли и продолжить путь.

Он заметил, что дождь закончился, лишь тогда, когда увидел людей, выходящих из домов без зонтов.

* * *

Кроны густых деревьев, растущих вдоль дороги, скрывали от солнца все дворы на Словенской улице. Поднявшийся с кровати после дневного сна Кристоф Адлер, не сразу понял который час. Более того – не сразу вспомнил, какой сейчас день. Раздвинув шторы, он выглянул в окно, убедился, что время близится к вечеру. Первые секунды после пробуждения он раздумывал над тем, что сейчас в приоритете: умыться, или покурить. Сигареты победили.

Свой дом Адлер взял в ипотечный кредит на 20 лет, переехав от матери, живущей в Брно. Прожив в новом доме более года, полицейский так и не смог избавиться от мысли, что не является собственником своего же жилья, потому решил не ставить в качестве места постоянной прописки ипотечный дом. Вит Новотный, узнав об этом, озвучил неутешительное умозаключение: юридически, Адлер съедет от матери только к пятидесяти.

По договору вместе с домом в подарок шла мебель. На деле столь широкий жест означал, что в риэлтерской фирме утилизацией мебели заняться некому. Ипотечный агент до последнего уверял, что перед подписью договора пришлет бригаду уборщиков, но слово свое не сдержал. Первый день новоселья Адлер справлял в компании с тремя открытыми бутылками шотландского виски и шестью упаковками Акатинола, найденными на месте. Это натолкнуло на вывод, что предыдущий постоялец страдал от алкоголизма и болезни Альцгеймера. А тот факт, что все это добро находилось в разных углах дома, лишь подтверждал подозрения.

Не смотря на алкоголизм и Альцгеймер, прежний житель, очевидно, любил цветы, потому оставил в наследство сад – настоящий ансамбль из маленьких розовых и красных взрывов. Красок было столь много, что иногда они вызывали тошноту. В попытках облагородить двор, Адлер купил триммер, но ни разу так им и не воспользовался. К слову, триммер был его первым и последним приобретением за год.

Единственным предметом интерьера, выделяющимся из общей массы, оказалось пружинное кресло, установленное в тени высокого дерева. Настоящая мечта холостяка. От влаги и солнца дубленая кожа на кресле потрескалась, но на удобства это не повлияло. Новотный, бывший в гостях пару раз, назвал это кресло местом дворового судьи.

Адлер открыл холодное пиво, положил сигарету за ухо и вышел на улицу. Соседка Люция, обвешенная пакетами из гипермаркета, увидев его, остановилась.

– Добрый вечер, Кристоф. Как Ваше самочувствие? – сказала она и наигранно улыбнулась.

Ее поведение Адлеру никогда не нравилось. Он считал, что излишняя вежливость и улыбочивость на людях выливается в латентную домашнюю тиранию. Как говорится: «Покупая дом, покупаешь и соседей».

– Вы что-то хотели, пани?

– Да, – несколько секунд она бегала глазами по облакам, подыскивая более корректные слова. – Не будете ли Вы так любезны, прополоть свой сад? Поглядите, на нашей улице у всех красивые дворы, разве соседи Вас не мотивируют?

– Хорошо, пани. Я все сделаю.

– Как скоро? – наседала она.

– Думаю, завтра. В крайнем случае – через 2 дня.

– Очень на это надеюсь, – довольно кивнула она и отправилась по своим делам.

Забыв куда делась первая сигарета, Адлер достал из пачки новую, подкурил и уселся в кресло. И так он просидел до заката, устраивая перерывы на походы к холодильнику за пивом, а когда в очередной раз поднялся – понял, что его клонит в сторону.

Вернувшись в дом, он нашел на этажерке полупустую бутылку сливовицы. Ликер был сладким, как варенье, но крепким, точно коньяк. К полуночи он приговорил и его.

Перед сном Адлер направился в душ. Стоя под напором воды, он вспоминал милую санитарку Кристину. Прошлой ночью, садясь в карету скорой помощи, она на мгновение отдернула полу халата. Верхней одежды под ней не оказалось. Полицейский не хотел показаться маниакально-навязчивым, но никак не мог заставить себя отвести взгляд от ее крепких голеней. Интересно, являлась ли эта крепость врожденной, или всему причиной спортзал? Лучше всего он запомнил то место, где заканчиваются чулки.

Он попытался представить Кристину в спортзале в обтягивающем белье, затем без белья. А затем его стошнило. Ложась в кровать, он понял, что забыл побриться, но подняться сил у него уже не осталось.

Глава 4: Твердость руки

Отдежуривший ночь Новотный, встречал с улыбкой прибывшего утром в отдел Адлера. Несмотря на бессонную ночь, Новотный казался достаточно бодрым и домой уходить не спешил.

– Выходные удались? – спросил он. – Дай угадаю, ты снова забыл, где живешь, потому решил переночевать в парке?

– Снова... в парке?

Посмотрев в отражение зеркала, размещенного в холле для посетителей, Адлер обнаружил скошенный ворот, и не сразу понял, что, застегивая в спешке рубашку, пропустил пуговицу.

– Выходные выдались не из легких, – сказал он.

– Я уже в курсе.

Новотный протянул свежий выпуск газеты с заголовком «Спасение утопающего – дело рук полицейского». Адлер вдумчиво опустил глаза в страницы. Статья в красках описывала, как накануне он достал из Влтавы человека, яростно борясь с речной пучиной, не жалея себя. По содержанию он понял, что информацию журналисты взяли из протокола несчастного случая, заполненного его рукой. О Дауде Бенеше в статье не было ни слова. Впрочем, как и в протоколе.

– Все было вовсе не так, как здесь написано, – сказал Адлер. – Его спас другой человек, я лишь при этом присутствовал.

– Так, или не так – какая разница, – пожал плечами Новотный. – Главное – как написали газеты. Кстати, там сказано, что твой потерпевший стал первым выжившим после падения с Карлова моста за последние три десятка лет.

– Интересно, откуда у прессы такая информация? Звучит сомнительно.

– Опять же говорю: не важно, как звучит. Главное, что ты теперь герой в квадрате.

Адлер наигранно принял стойку «смирно», как перед вручением грамоты, и заявил:

– Я Сверхчеловек.

– Как у Ницше?

– Понятия не имею, я не читал.

– Кстати, пока не забыл: тебе звонила какая-то Кристина, где работает – не помню, что хотела – не понял. Записка на твоём столе.

– Ясно, что еще?

Мимо прошли участковые, сопровождая задержанного. На лице Новотного заиграла улыбка. Он немного наклонился и тихо сказал:

– Куроки утром послал Пчинского к черту. Представляешь?

Удивленный Адлер на мгновение остановил процесс поправления рубашки.

– Опять тебе кто-то по секрету рассказал?

– Нет, я сам слышал, клянусь, все так и было, – он уперся рукой в стену, почесал голову. – А еще слышал от кого-то из канцелярии, что Куроки в начале карьеры расследовал похищение с вымогательством. Как-то он и двое оперативников выехали на задержание подозреваемых, и решили выбить двери, как в кино.

– И что? Пришлось платить за сломанную дверь?

– Нет. Те ненормальные открыли огонь и в итоге застрелили обоих оперативников. А наш Вилли Куроки отстреливался с лестничной клетки на протяжении десяти минут, вплоть до приезда подкрепления, не давая преступникам выйти. Кажется, ему за это вклеили неполное служебное соответствие занимаемой должности, – он глубоко зевнул. – Интересно, чем он сейчас занимается?

– Подчиненные не обязаны знать, чем занят их начальник, – послышался голос Куроки из-за спины. – Главное, что начальник знает, чем заняты его подчиненные. И в данный момент двое моих подчиненных халтурят, получая за это деньги налогоплательщиков. Верно?

Побледневший Новотный широко раскрыл глаза. Опустив руку, он медленно повернулся. Приблизившийся к нему почти вплотную Уильям Куроки был немного ниже ростом, но отклонив назад голову, смотрел свысока.

– Верно? – повторил Куроки.

– Да, – ответил Новотный. Казалось, он становится ниже ростом с каждым словом начальника.

– По поводу утреннего недоразумения могу сказать следующее: я никогда не нарушаю субординацию без веских причин. Себе этого не позволяю, и Вам не позволю. Понятно?

– Так точно, пан Куроки.

– И, если я еще хоть раз услышу о распространении непристойной информации о руководстве, я Вас переведу в Жатец¹.

– Извините, пан Куроки.

– А что по поводу Вас, пан Адлер, приятно знать, что хоть кто-то на этой работе не свихнулся.

Он указал пальцем на газету, затем бросил косой взгляд на мятую рубашку Адлера. Начальник нахмурился, но решив воздержаться от замечаний по поводу внешнего вида, поспешил покинуть общество следователей.

Дождавшись, когда Куроки удалится на «безопасное расстояние», Адлер исподлобья посмотрел на Новотного и писклявым голосом произнес:

– Простите, Пан Куроки! Я больше не буду пан Куроки! Разрешите постирать Ваше белье...

– Очень смешно, – ответил Новотный с серьезным выражением лица.

* * *

Адлер нашел на своем столе записку: «Кристина. Больница Святого Карла Бромейского», ниже – ее номер, а на обратной стороне перечень продуктов. Очевидно, Новотный составил список, чтобы не забыть купить в магазине все необходимое, однако забыл саму записку. Никакого телефонного номера на записке не оказалось, поэтому сперва пришлось звонить в местный отдел связи. После нескольких нехитрых манипуляций с телефонным аппаратом, в трубке раздался знакомый голос:

– Кристина Комичева, что Вы хотели?

– Меня зовут Кристоф Адлер, мне сказали, что Вы меня искали, но я не...

– Кристоф? – перебила она на полуслове. – А я о Вас думала. Не в том плане, вернее... не то что бы Вы не...

– Я понял.

– Одну секунду...

На другой стороне послышались звуки шуршащей бумаги, отдаленные голоса.

– Нет, – сказала она куда-то вдаль. – У него была гематома. Да. Рентген сделали, с голеностопным суставом все в порядке. Кристоф, Вы тут? Извините, меня отвлекли.

– Если я не вовремя, могу перезвонить.

– Нет, что Вы, не стоит. Я хотела бы уточнить у Вас некоторую информацию об инциденте с тем парнем.

– Я думал, что все нужное указал в протоколе. Разве нет?

– Верно, однако, когда мы привезли его в больницу, на шее и на груди проступили следы побоев.

¹ Жатец – небольшой город на севере Чехии на реке Огрже.

– Он мог удариться, когда его доставали из воды. На груди – что ж, я ведь делал ему массаж. Наверное, у меня тяжелые руки.

– Верно, – подтвердила она и немного замешкала. – Я тоже об этом думала, но чем дальше, тем следы становились все отчетливее, и на обычные ушибы походили все меньше. Это натолкнуло нас сделать детальный анализ, и вот что мы имеем сейчас: в его желудке, и в легких нет воды, но при этом уровень углекислоты превышает...

– Кристина, пожалуйста, – громко сказал он и подождал, пока она замолчит. – Я не силен в медицинской терминологии. Скажите, в чем проблема?

– Это может прозвучать странно, но все выглядит так, будто позапрошлой ночью он не утонул. Его задушили.

Адлер сморщил лоб. Его глаза забегали по комнате.

– Кристоф, Вы здесь? – спросила она.

– Да, я обдумываю. Звучит, действительно странно.

– Мы сделали снимки шеи и груди. Обычная процедура, если потерпевший решит подать в суд в связи с причинением ему вреда здоровью вследствие неосторожных реанимационных процедур.

Эта информация приподняла полицейского с кресла. Его рука машинально сжалась в кулак.

– Он еще и в суд на нас грозит подать!? Мы ему жизнь спасли!

– Нет, нет, что Вы. Этот точно ничего такого делать не станет.

– Вам удалось узнать кто он?

– К сожалению, нет. У него не было при себе документов, а сам он говорит лишь о том, что видел некоего «Черного человека». Местный психиатр считает, что на фоне стресса возникла проблема с идеаторным автоматизмом, а то и вовсе шизоаффективный психоз, – она взяла паузу, вспомнив, что следователь просил избегать терминов. – В общем, крыша поехала.

Адлер облокотился на стол, закрыв ладонью глаза.

– Вы что, спите на работе? – спросил заглянувший в кабинет начальник Пчинский.

Адлер поднялся.

– Нет.

Пчинский посмотрел на телефонную трубку, которую держал следователь.

– Надеюсь, это служебный разговор?

– Конечно.

– В этом месяце ваш отдел затратил на телефонные разговоры в полтора раза больше средств, чем в прошлом, а показатели раскрытия преступлений при этом снизились на 10%. Мне руководитель управления на утреннем совещании плешь проел.

– Мы стараемся угнаться за показателями, пан Пчинский, а для этого нужно больше информации. Отсюда и больше служебных телефонных разговоров, и больше затрат на них, – выкрутился полицейский, думая о том, что начальник сейчас ему проедает плешь.

– Кстати, Вы сделали то, о чем я Вас просил?

Манера вопроса, типичная для Пчинского – никакой конкретики. Кто-то из отдела считал, что такая постановка вопроса служит катализатором для умственной деятельности подчиненных, но большинство склонялось к тому, что начальнику нравится доставать персонал.

Адлер вдумался, перебрал возможные варианты ответов. Из множества порученных ему дел, от самого Пчинского поступало только одно:

– Попросить секретариат, чтобы они подготовили копию материалов об адвокате для Вас?

– Разве я поручал Вам что-то еще? Адлер, проснитесь. Вы передали им мою просьбу, или нет?

– Конечно. Копия будет готова к обеду.

– Хорошо, – удовлетворенно кивнул начальник и покинул кабинет.

Адлер уселся обратно в кресло. Потратив несколько секунд на раздумья, он вспомнил, что не закончил телефонный разговор с Кристиной. Поднеся трубку к уху, он спросил:

– Кристина, ты еще тут?

– Да, – ответила она.

Ему показалось, что она улыбается, хотя наверняка он не знал. Словно в подтверждение его догадки, Кристина хихикнула.

– У твоего начальника такой смешной голос. Мне даже представился маленький злобный зеленый лепрекон в шляпе. Он похож на лепрекона?

Адлер хотел поддержать ее доводы, но приоткрытая дверь кабинета настораживала.

– Так на чем мы остановились?

– На снимках, – сказала она, и устало вздохнула.

– Точно. Перешли мне их на этот номер.

Не прошло и минуты, как зажужжал факс. Вал выкатил бумажную ленту с изображением шеи форматом 1 к 1, снятую в разных ракурсах. Адлер оторвал листок и откинулся в кресле. За свою жизнь он не раз сталкивался со следами механической асфиксии вследствие удавления руками. Он знал не только из академии, но и из практики истории несчастных семей, в которых мужья убивали жен. И чаще всего следы удушения представляли собой линию, идущую вдоль шеи, как от петли, или же следы от больших пальцев. Но на переданных факсом снимках виднелось нечто иное, с чем полицейский ранее не был знаком: царапины от ногтей пальцев правой руки, один слева и четыре справа. Следы располагались за ушами, что делало хват руки нападавшего неправдоподобно широким.

Зазвонил телефон, это была снова Кристина.

– И каково Ваше экспертное мнение? – поинтересовалась она.

– Если его и душили, то делали это двумя руками, – без особого энтузиазма ответил он.

– Если?

Адлер взглянул на рабочее место, заваленное протоколами вскрытия, допроса свидетелей и заключениями всевозможных экспертов. На многих листах виднелись коричневые разводы от пролитого кофе, выпитого в бесчисленном количестве в ходе расследований. Его работа менялась, но объем ее не уменьшался никогда, поэтому от новых расследований он отказался без угрызений совести.

– Ты же сама сказала, что следы появились сразу же после доставления в больницу. Значит, оставить их мог разве что Дауд Бенеш. Или же я, случайно, когда доставал из воды потерпевшего.

– А ты не видел никого постороннего?

– Кого? Черного человека? – он постарался смягчить тон. – Кристина, брось, этот парень явно свихнулся, и мы зря тратим время.

– Что ж, наверное, ты прав, – неохотно согласилась она. – Могу ли я позвонить снова, если потребуется информация?

– Конечно.

– А ты можешь позвонить, если захочется с кем-то поговорить.

Он задумался. Она показалась ему милой, но не к месту, как цветы в его дворе. И тогда он сказал:

– Я не люблю обременять проблемами людей, но спасибо.

Они попрощались. Еще несколько минут Адлер просидел, держа возле головы трубку телефона, вслушиваясь в монотонные гудки. Бросив ее на рычаг, он понял, что сегодня работать ему совсем не хочется, но придется.

Часть 2. В ПОГОНЕ ЗА ПРИЗРАКАМИ

Глава 5: Фонари

Миновало почти полгода после инцидента с утопающим. Возвращающийся с рождественской ярмарки Дауд Бенеш не хранил обиды ни на газетчиков, причисливших спасение Кристофу Адлеру, ни на самого полицейского, не сказавшего газетам правду. Сейчас его ум был занят совсем другим простым, но наболевшим вопросом: что подарить на рождество сестре Ханне?

Неделю назад они развели на эту тему дискуссию. Тогда он, соврал, сказав, что подарок уже готов, и подарит он нечто особенное. Он знал, что Ханна любит сюрпризы и лишь хотел подогреть интерес, однако она разыгралась не на шутку и всю неделю допытывала вопросами. Она обещала приехать на рождество из Дрездена, а это значило, что на подарок осталось два дня.

Стоя у витрины одного из ювелирных магазинов на Староместской площади, он выбирал между элегантными часами из новой европейской коллекции и цепочкой, на которую продавец давал солидную скидку. Выбор пал на цепочку. Всю дорогу до дома он убеждал себя, что подарок получился достойным, однако ближе к вечеру в голову закралась мысль: худая цепочка недостаточно обрадует Ханну. Это его расстроило.

С наступлением темноты поднялся ветер, пошел снег. Казалось, непогода копила силы весь день, чтобы к ночи обрушиться на город со всей своей яростью. Староместская площадь опустела, люди разбрелись по домам. Дауд подвесил цепочку на абажур настольной лампы и уселся напротив. Вращаясь, цепочка поблескивала в электрическом свете, выдавая череду мелких вспышек. Свет часто придавал предметам интересные формы. И, все-таки, она достаточно хороша, – подумал он. Но, возможно, ему стоит купить еще и те милые часики, если на них хватит денег. Ему шел 43й год, а он все никак не мог избавиться от мысли, что не повзрослел.

Месяц назад он подслушал разговоры соседей и выяснил, что не так давно служба спасателей выловила тело очередного самоубийцы, закончившего свою жизнь под Карловым мостом. Услышав это, Дауд невольно махнул рукой, словно старался избежать подобной информации, не придавая ей значения. Однако вскоре понял, что испытывает необъяснимое чувство вины, и даже более – убедил себя, будь он дома в тот день, трагедии удалось бы избежать. И чем дальше, тем все больше эта новость его истязала. Вот уже несколько ночей он засиживался допоздна, казалось бы, бесцельно глядя в окно. Но в глубине души он знал, что рано или поздно встретится еще один псих, пытающийся свести счеты с жизнью.

Неважно являлось ли его желание проявлением эгоизма или же результатом чистых побуждений, как и неважно, было ли это желанием или всего лишь предостережением, у Вселенной был свой план, который она реализовывала ежечасно, ежеминутно, ежесекундно. И кульминация этого плана наступила сейчас.

Выглянув в окно, Дауд Бенеш увидел человека в легкой весенней куртке, целенаправленно шагающего по Карловому мосту сквозь почти непроглядную вьюгу. Его силуэт то исчезал, то появлялся вновь, мерцая черным пятном на сером фоне непрерывно опускающейся с неба снежной стены. Очередной порыв ветра завил снег в тот момент, когда неизвестный посмотрел вниз, в реку, наклонившись над оградой. А когда ветер стих, Карлов мост вновь пустовал. А фонари на нем поочередно сверкнули, словно скульптуры со светилками на головах ожили и шептались, взволнованно сообщали что-то друг другу.

Пронизывающий ветер обдавал жаром. Выбежавший на улицу Дауд Бенеш закрыл руками лицо. Пробравшись сквозь стихию к основанию моста, он увидел движения на воде,

здесь, совсем рядом с берегом, но распознать что там происходило не смог. Решив, что неизвестный передумал умирать, бросился в воду.

Холодная вода сковала и руки, и ноги, словно, утратив текучесть, притворилась вязкой смолой. Преодолевая боль холода, Дауд добрался до незнакомца и нащупал во тьме ворот его плаща. Но, разве он был в плаще? Сейчас это казалось не столь уж важным.

В ответ на это незнакомец недовольно рявкнул, схватив за горло обидчика, потянул вниз. Испуганный Дауд размахнулся и изо всех сил обрушил кулак туда, где должно было находиться лицо потерпевшего. Ударил его еще раз, и еще. Дождавшись, когда утопленник успокоится, схватил его и потянул к берегу.

Столкнувшись с ветром, наполненным холодом, он почувствовал, что вода в реке была сродни парному молоку. Таща на себе лишенного сознания незнакомца, он надеялся, что кто-то придет им на помощь, но на этот раз помогать никто не спешил. Заснеженная улица пустовала. До дома оставалось всего-навсего пару десятков метров, но они казались непреодолимой дистанцией.

Его веки и губы слиплись от холода. Ему казалось, что огонь в его груди затухает, и что ноги леденеют, трескаются на каждом шагу. Его одежда превратилась в панцирь. Делая вдох, он боялся, что внутри него что-то взорвется, и тогда все его тело развалится, словно лопнувший воздушный шар. Очень скоро он окончательно обессилел, но все равно продолжил идти.

Тепло комнаты вскружило голову. Бросив на пол вниз лицом незнакомца, Дауд едва слышно сказал:

– С днем рождения, придурок.

Он стер дрожащими руками иней с лица и разглядел перед собой лежащего мужчину огромного роста, одетого в лохмотья черного цвета. Видневшийся из-за ворота затылок казался бледно-серой полоской, а в волосах пострадавшего запуталась тина и грязь.

Наклонившись, Дауд почувствовал едкий запах, и подумал, что достал из воды не того. Закрыв ладонью лицо, перевернул неизвестного и тут же отпрянул. Распухший от воды утопленник выглядел мертвым, и что хуже – умершим очень давно.

Вдруг пальцы утопленника дернулись, изо рта его полилась вода, превращаясь в большую лужу. С каждой секундой тело его утончалось, сдувалось, приобретая привычную форму.

До боли закусив свой кулак, чтобы не закричать, Дауд отступал от лужи, пока не подпер стену спиной. А когда вода коснулась кончиков пальцев, понял, что не в силах удержаться на ногах. Закрыв глаза, он свалился на пол, и следом – во тьму...

Глава 6. Рассвет

Его тело горело, болело, а вокруг все неустанно крутилось, звенело, шепталось, кричало и приближалось, а после уходило прочь. Сквозь пелену дремы Дауд понял: его, лежачего, катят по длинному коридору больницы.

Тяжесть слипшихся век не давала ему полностью открыть глаза, как после продолжительного дневного сна, потому все, что он смог разглядеть – убегающая вниз его взора линия белого потолка, яркие вспышки подвешенных к потолку ламп. Точно кто-то быстро включал и выключал свет, непонятно лишь кто и зачем. От этого сумбура его голова пошла кругом.

– Прошу Вас, не надо, остановите, – не смог произнести он; говорить мешала плотно прильнувшая к лицу кислородная маска.

Где-то внизу, под ним, скрипели колеса, а перед лицом, в такт этому скрипу, мелькала, раскачиваясь на подвесном штативе, прозрачная колба с надписью: «Хлорид натрия, 0.9%». Тянувшаяся из колбы трубка капельницы заканчивалась в его руке.

Линию потолка отрезал сумрак лифтовой комнаты. И снова зажегся свет, на этот раз серый, болезненный, похожий на свет фонарей Карлова моста, пробивающийся сквозь вьюгу. Дауд чувствовал, как поднимался вверх, но источник света не приближался. Попытался протянуть к нему руку, но что-то его не пустило.

– Пожалуйста, лежите спокойно, – сказала медсестра откуда-то сбоку, где он не мог видеть.

Затем все снова потемнело, а вокруг завертелось, закружилось...

В следующий раз его разбудил голос молодого мужчины.

– Дауд, Вы слышите? – спросил посетитель.

Продрав глаза, Дауд смог разглядеть на фоне белой палаты лишь расплывчатый силуэт, облаченный в темные одежды.

– Кто Вы?

– Меня зовут Кристоф Адлер, я полицейский. Мы виделись однажды, около полугода назад.

– Где я нахожусь?

– Вы в больнице Томайера. Вас доставили сюда позавчера.

– Как я тут оказался?

– Ваш знакомый по имени Ладислав вызвал скорую. Вы едва не утонули, к тому же у Вас было переохлаждение, но Вашему здоровью больше ничего не угрожает. По крайней мере, именно так мне сказали врачи. Можете смело благодарить друга, он спас Вам жизнь.

Дауд задумался. Перед его мысленным взором десятками пролетали портреты знакомых людей, каждый из них называл вслух свое имя. И, пусть голоса их сливались в неразборчивый говор, он был уверен в одном:

– У меня нет ни одного знакомого с таким именем.

Может, Ваш сосед, или знакомый вашей подруги, – пожал Адлер плечами. – У Вас, ведь, есть подруга? Сестра? Ханна, кажется.

Дауд кивнул. Ему хотелось спросить, откуда полицейскому известно ее имя, но он не решился.

– Я знаю, Вам сейчас нелегко, – проявил заботу Адлер, хотя и сам понял, что звучат слова несколько наигранно и неправдоподобно. – В общем, если расскажете о том, что помните, обещаю от Вас отстать.

– Почему Вы спрашиваете?

Полицейский вздохнул, опустил глаза в блокнот, перевернул листок, раздумывая над ответом.

– Вчера утром неподалеку от Вашего дома было найдено тело неизвестного мужчины. По предварительным данным, он умер приблизительно в то же время, когда и Вы попали в больницу.

– Он утонул?

– Скажем так: не исключено, что его раны могли иметь насильственный характер.

– Я подозреваемый?

– Нет, – нервно ответил Адлер. – Но я надеюсь, что Вы сможете пролить свет на происшествие. Пожалуйста, ответьте на мой вопрос, – он подался вперед, выдержал паузу. – Что Вы помните?

Дауд попытался приподняться с кровати, облокотившись на спинку. Безуспешно.

– Я видел кого-то, – ответил он. – Наверное, этого парня, очередного самоубийцу. Я достал его из воды и отнес в дом, но к тому моменту он был уже мертв.

– Достали из воды? Вы уверены?

Дауд кивнул и смутился, встретив удивление на лице полицейского.

– Уверен, а что?

– Тело нашли в реке. В Вашем доме никого, кроме Вас не было.

Закрыв глаза, Дауд вдавил затылком подушку. В его голове вместе с мигренью нарастал белый шум. Образ мертвого тела, небрежно брошенного на пол посреди гостиной, не отпустил, даже когда на закрытые глаза легла ладонь. Он как наяву видел отражение своего испуганного лица в разрастающейся под ногами луже.

– Вам плохо? – поинтересовался Адлер. – Если Вам плохо, я позову врачей.

– Жил по ночам под мостом человек, – прошептал Бенеш.

– Что Вы сказали?

– Я точно помню, как достал из воды мертвеца.

Из краткого курса лекций по психиатрии «Иллюзии и галлюцинации», который заставляли проходить в академии, Адлер запомнил, что люди, находящиеся под действием раздражителей, способны испытывать обман восприятия чаще других. И ярче других. Его опыт наполнился показаниями подозреваемых и свидетелей с неустойчивой психикой, придумывающих детали преступления на ходу. Описанные ими картины можно было встретить в бульварных журналах, в публикациях молодых авторов детективных рассказов. В отличие от авторов, ложные свидетели, потерпевшие и подозреваемые углублялись в детали настолько, что сами начинали верить в свои истории. К тому же медицинская карта Бенеша подсказала, что последний в прошлом страдал от тяжелой формы психоза. Не является ли стресс причиной рецидива?

Стоя в палате, полицейский погрузился в мысли так глубоко, что они выразились извилистой мощной морщиной на его лбу.

– Может, Вам это приснилось? – хмыкнув, спросил он и закрыл свой блокнот.

Перебирая свои последние воспоминания, Дауд подумал: а ведь обычно, проснувшись, он всегда понимал, что увиденное было лишь сном, пусть даже на это уходила минута-другая времени. Однако этот сон казался реальным настолько, что ставил под сомнение даже то, что происходит прямо сейчас.

– Не знаю, – ответил он. – Мне нужно отдохнуть.

– Хорошо, Дауд. Я оставлю Вашему врачу свои координаты. Если удастся что-то вспомнить – дайте знать.

* * *

Штатный патологоанатом полицейского отдела Феликс Гилевский не терпел посторонних глаз в прозекторской, потому старался держать двери в нее запертыми.

Кристоф Адлер был знаком с его повадками без малого три года, но до сих пор настораживался, когда Гилевский, пригласив к себе внутрь, запирает за ним двери на ключ.

– Что тут у нас? – спросил Адлер, указывая на обнаженное тело жертвы, найденной накануне под Карловым мостом, а теперь лежащее на металлическом столе. Голова и ноги неизвестного были накрыты простыней.

– Мужчина, возраст около 30 лет, рваная рана в районе грудной клетки и верхней части брюшной полости. Смерть наступила от обширного повреждения внутренних органов, повлекшего кровопотерю. Сердце отсутствует. На запястье правой руки несколько глубоких шрамов.

– Он пытался вскрыть себе вены?

– Когда-то давно, в молодости. Но, очевидно, он не знал, что вены следует вскрывать вдоль, а не поперек.

Прозектор улыбнулся. Он часто улыбался. А из-за того, что большую часть времени он проводил в морге, улыбка его казалась всегда неуместной, потому у посетителей вместо положительных эмоций вызывала раздражение. Адлер догадывался, что это как-то связано с дорогостоящими зубными протезами, которые прозектору установили в прошлом году.

Гилевский продолжил:

– На голених видны красные узлы – следствие продолжительной болезни туберкулезом. Полагаю, он устал сопротивляться и решил покончить с собой.

– Вы считаете это самоубийством? Нет ли у него следов на шее от механической асфиксии?

Гилевский быстро замигал, словно его заключение было итак очевидным и исчерпывающим и иных пояснений не требовало.

– Удушение? Пан Адлер, его добрая половина тела покрыта гематомой от удара, который он принял грудью. Если таковые следы и имелись, то сейчас мы едва ли их найдем.

Следователь неохотно посмотрел на округлую рану в груди потерпевшего, словно второго норовили проткнуть столбом.

– Чем можно нанести подобное ранение?

– На его коже остались остатки древесины. Полагаю, он не рассчитал и бросился с моста на ледорез. Кажется, позавчера была сильная вьюга, верно? Он мог его не увидеть сверху.

– Его могли сперва убить, а затем сбросить с моста?

Прозектор прищурил один глаз, сомнительно качнул головой.

– Как судебно-медицинский эксперт с 11-летним стажем могу сказать: человек нанести подобные увечья попросту не способен. К тому же в этом не было никакой необходимости: если бы не эта рана, этот несчастный скончался бы от переохлаждения, так и не добравшись до берега.

Тяжело вздохнув, Адлер направился к выходу. Голос Гилевского догнал его уже в коридоре.

– Кристоф, иногда мне кажется, что Вам не хватает работы. Не гоняйтесь за призраками, иначе призраки начнут гоняться за Вами.

Глава 7: Созидающий

Глубокой воскресной ночью, где-то вдали от центра, где картографы провели условную черту города, шагал насквозь продрогший мужчина. От мороза швы на его старом черном пальто дали трещину, рваные полы, спутавшись, тянулись до самой земли. Несмотря на холод, он старался держаться уверенно. Звон его каблучков, бьющих брусчатку, разносился по окрестностям эхом. Редкие загулявшие прохожие принимали его за тень, и лишь взглядевшись, узнавали в нем человека. Но скоро и они перестали ему попадаться.

Он шел, изредка останавливаясь, направляя взор в звездное небо, опутанное редким свинцом облаков. И глядя на звезды, он слышал их чудесные голоса. Ему хотелось закрыть глаза, чтобы глубже проникнуть в их песни, погрузиться в них, утонуть, раствориться и возродиться новым. Но звезды пели лишь тогда, когда он смотрел. Им нравилось его внимание.

Кто-то мог бы высокомерно сказать: «Да он психически больной!» Но странник знал наверняка: слышать звезды – это божественный дар, которого оказался достоин лишь он.

В близлежащих домах погасли огни, превратив окна в аллею зеркал. Странник видел в них свое отражение: бесформенная рослая фигура, увенчанная бледным лицом, на котором сияют красного цвета глаза. Глаза знающие, глаза жаждущие, глаза страждущие и пылающие. Он привыкнет к этим новым глазам. Скоро. А затем привыкнет и его милая Петра.

Весь город безропотно сдался на милость спокойным снам. Спали матери с детьми и бездетные, бедняки и богачи, трудолюбивые и лентяи, честные и лжецы... Спал и клошар в хромом переулке, прижимая к себе собаку, укрывшись мохнатым пледом, но его разбудил стук каблучков. Он встрепенулся, уселся, заботливо переложив морду пса с груди на колено, взял в руки табличку с надписью: «Даже одна монета способна сотворить чудо!»

– Не подбросишь мелочи, парень? – обратился старик туда, откуда доносились шаги.

Неизвестный остановился напротив:

– Я голый, прости, не сегодня, отец.

Старик подался вперед. Его округлые ноздри расширились, гулко вбирая воздух.

– От тебя скверно пахнет, ты болен?

– Нет, я просто смертельно устал, – отвечал спокойным голосом странник. – Неужели, мой вид тебя не пугает?

Бездомный поднял голову вверх. Неяркий свет пьяной луны осветил его слепые глаза.

– Сынок, я не видел людей уже более десяти лет, да и те, кто мне был знаком, в воспоминаниях выглядят туманно. К тому же мало ли в мире страшных мужчин? «Вот приоденешься, и жизнь наладится», – произнес он мечтательно, точно в памяти его промчалось что-то ясное и прекрасное. – Раз тебе нечего мне предложить, тогда ступай домой. Кем бы ты ни был, ступай, а мне лучше выспаться.

– Блаженны сонливые, ибо скоро они уснут, – произнес странник с некоторым самолюбованием и наклонился. – Кем бы я ни был... а знаешь, кто я, отец?

– И кто же?

– Черный человек, – прошептал он.

Бездомный не смог вспомнить, что значат это имя, но оно оставило после себя дурное послевкусие. Он запрятал эти воспоминания вглубь чертогов разума, и не желал туда погружаться. Тем не менее, он настороженно вздрагивал, слыша удаляющиеся твердые шаги. И сердце его не покидала тревога, даже когда наступила тишина.

На другой улице странника остановил случайно пойманный им взгляд с витрины. На него смотрел манекен, наряженный в строгий костюм из магазина с вывеской «Почти новое». Странник приблизился и встал так, чтобы отражение его лица совпало с головой манекена. Около минуты он изучал наряд, кричащий своей дороговизной и серьезностью: темно-синяя

ткань в лунном свете поразила его глубиной черноты, но на свету она переливалась, точно металл, а поблескивающая фурнитура напоминала тяжелые стальные заклепки.

Облюбовав «выкованный из железа» наряд, он сказал сам себе: «Старик прав: приоденешься, и жизнь наладится. Чем представительнее человек выглядит, тем больше он вызывает доверия».

Рослая фигура склонилась к земле, цепкие пальцы впились в обледеневшую брусчатку и вынули из нее один кирпич. Одно движение кисти наотмашь и снаряд вынес витрину. Зазвучала беспокойная сирена. Человек зашел внутрь, обнажился и примерил одежду. Теперь его образ в отражении зеркала принял четкие приятные очертания. На стенде с аксессуарами он прочитал совет: выберите галстук под цвет ваших глаз.

Ему не хотелось уходить. Колокол сирены показался приятным. Она звучала так громко, словно сообщала не о какой-то битой витрине, а предупреждала о пришествии чего-то великого. Или кого-то.

Его нога не чувствовала твердь брэнной земли почти 3 десятилетия, а теперь он вернулся, и вместе с ним вернулась к жизни и его прежняя цель: найти свою подругу Петру. Но перед тем как вернуться к ее поискам, ему нужна встреча с одним старым знакомым, единственным, способным навредить его миссии по воссоединению.

Странник жаждал, чтобы Петра узнала о его возвращении, узнала, и как можно скорее. Вспомнила, признала, сдалась на его милость, склонившись к ногам. Он перешагнул через разбитые стекла витрины и продолжил свой путь под песни сладкоголосых звезд. Разрушающий, престапующий, но он и есть созидающий.

* * *

Потерпевший, владелец магазина «Секонд Хэнд» Лукас Стижский облокотившись на стойку у дежурной части отдела полиции района Кобылис, внимательно наблюдал за движением глаз дежурного, изучающего поданное заявление о краже.

– Значит, Вас ограбили сегодня, – сказал дежурный усталым сонным голосом и бросил взгляд на время. Часы показывали 8.05 утра, а значит, в отдел вот-вот явится начальство.

Несмотря на то, что Стижский был тучным и медлительным на вид человеком, словами он семенял и не стеснялся сквернословить в присутствии третьих лиц.

– Да, черт знает, что твориться в последнее время! Только представьте: разбили витрину, накидали посреди примерочной какого-то мусора! Вандалы, бессовестные вандалы!

– То есть, еще и порча имущества?

– Конечно! И я знаю, кто это сделал!

– И кто же?

Стижский наклонился, просунув руку в окно, ткнул в заявление пальцем.

– Это словаки. Они держат магазинчик напротив. Месяц назад они сказали мне, что магазин подержанных вещей портит общий вид нашего района. А ведь они понятия не имеют, каких трудов стоит добыть ношенные вещи в хорошем состоянии. И что мне теперь прикажете делать!?! – закричал он.

Дежурный посмотрел на человека, стоявшего у входной двери. Сетчатое непрозрачное стекло не дало ему понять, начальник это, или нет.

– Пан Стижский, пожалуйста, успокойтесь! Ваш магазин застрахован?

– Естественно!

– Значит, витрину Вам компенсируют, а она и то стоит дороже, чем украденный костюм.

– Между прочим, этот костюм принадлежал дипломату, и он надевал его раз, может два, и я на него 950 крон потратил.

В отдел вошел начальник. Дежурный поднялся, готовясь к докладу по форме, вернул Стижскому заявление и сказал:

– Проверьте еще раз список похищенного, и на этом пока закончим.

Стижский недовольно фыркнул, но перечить не стал. К уже имеющимся: «Костюм «двойка» от «Сапалі», молочная рубашка, черные броги, кожаный широкий ремень, вельветовый галстук ярко-красного цвета», он добавил «глянцевые солнцезащитные очки».

Глава 8: Умные свиньи

Слепое зимнее солнце просочилось сквозь занавес густого тумана и осветило двор, посебренный крупницами соли, разбросанной для лучшего сцепления подошвы с землей в зимнее время. 60-летний мясник Томаш лениво поднялся с кровати, приоткрыл окно, впусив в дом прохладного январского воздуха.

Улицы полнились людьми, праздновавшими наступление Нового года, но старик Томаш к подобным мероприятиям не привык. Лощёный календарь со стены сообщил ему, что наступил день забоя скотины.

Ежедневная ревизия показывала, что в стаде на текущий момент пребывает 18 голов взрослых свиной и 8 маленьких поросят. Содержать такую ораву не просто. День забоя нравился мяснику как минимум потому, что на какое-то время приходилось кормить на одну свиной меньше, а переоценить их аппетит невозможно.

Мясник приносил им еду трижды в день: три килограмма зеленого травяного корма, столько же тыквы и картофеля. Каждый раз он задумывался: а чувствуют ли свиной вкус еды? Молодняку помимо прочего давал мел. Свиной мел не нравился, потому приходилось их заставлять его есть. Вчера голову мясника посетила странная мысль: он ежедневно скармливает скотине количество еды по весу, равному его собственному.

Легкий ветер покачивал сухие деревья, принося с соседских дворов восторженные крики детей, играющих в снежки. Недовольный погодой Томаш не спеша оделся и задержался на несколько секунд у дверей перед тем, как покинуть дом.

Его двор был единственным на улице, окруженным высоким забором из жестяных перекрытий. На том настояли соседи, не приемлющие, чтобы мясник забивал скотину на глазах их детей.

Стены ветхого хлева, выросшего посреди двора, подпирали деревянные бруски, из щелей между перекрытиями торчала солома. Под закутанной слоями из пенополистирола крышей болтался на ветру конусообразный фонарь. Старик отворил обшарпанные скрипучие двери и засеменял по дому свиной.

Царивший внутри скверный запах животины казался мяснику привычным. В ответ на звук шагов из задней части хлева послышалась свиная возня. Валявшиеся в смеси грязи и сена поросята замигали глазами и вильнули скрюченными хвостиками. Им не впервой было лицезреть сцены свиноубийства, но на их аппетите и поведении это никак не сказывалось.

Как-то ради интереса мясник подал свиной потроха их сородича, умерщвленного накануне. Ненасытное стадо съело и это. Теперь старик был точно уверен: свиной – глупейшие из существ, живущие лишь с одной целью – быть съеденными.

Откормленного для забоя двухсоткилограммового борова вот уже сутки хозяин держал в сторонке от остальных тварей, позволяя питаться только водой. Сейчас боров смотрел на него голодным взглядом животного, неразумного от вершины пятака до кончика хвоста.

Обычно чтобы поднять голодную свиной, достаточно было поманить ее кормом, однако боров с самого начала воспротивился: принялся ворочаться и визжать, а потом и вовсе лег в грязь. Мясник Томаш, как человек бывалый, надел ему на голову ведро, и свин, поднявшись, попятился. Оставалось лишь его направить к столбу в центре хлева.

Боров с безразличием рассматривал топор в человеческих руках, не узнавая в нем орудия истребления своего рода, запекаясь кровь на котором уже почернела, но еще продолжала фонить.

«Отличный экземпляр, – приценился мясник, глядя на животное. – Полтора центнера сочного мяса».

В этот раз за разделкой туши следило все стадо. В какой-то момент мяснику стало не по себе от такого количества участливых глаз. Однако решив, что свиньи по природе своей не способны осознать глубину и значение происходящих вокруг них событий, оставил их без внимания.

Закончив разделку, он снес мясо в морозильную камеру и возвратился в дом, почитал газету, послушал радио, посмотрел телевизор. Перед сном он принял Рогипнол и некоторое время лежал в кровати, не смыкая век, ему по-прежнему грезилась десятки черных кругленьких глаз, пристально следящие за каждым его шагом, движением.

Уснуть удалось лишь к полуночи. Этой ночью ему снились умные свиньи, которые зачем-то кормили людей.

В глубине ночи послышался треск – это ветер сломил ветвь сухого дерева. Старик Томаш невольно открыл глаза, потер их сухой ладонью. Вдруг он увидел свет в окне, идущий от хлева. Неужели он снова забыл выключить чертов фонарь? Его соседка Тамара периодически жаловалась и лично ему и участковому, что свет фонаря мешает ей спать. Отношения мясника и соседки лишь недавно стали налаживаться, портить их не хотелось.

Накинув на себя халат, он вышел на улицу, хрустя по свежему снегу, добрался до хлева, и удивился – двери оказались открытыми. Зажег свет, вошел внутрь – ставни загона были нараспашку, но свиньи не спешили никуда выходить. Вместо этого они собрались в кучу и направили пятаки вверх, обнюхивая ворсистый халат мясника. Один поросенок попытался укусить его за пояс. Мясник оттолкнул его ногой, захлопнул ставни загона, и с улыбкой сказал:

– Глупые твари.

– Они не глупые! – раздался раздраженный, но сдержанный мужской голос позади. – Они как дети...

Встревоженный старик развернулся на звук. У входа в хлев стоял мужчина, одетый в темный костюм. Без очков мясник не смог разглядеть лица неизвестного, его силуэт казался размыленным: точно шахматный король в черном теле с бледным лицом.

– Они очень похожи на людей, – продолжил странник. – Даже говорят, что их сердце можно пересадить человеку. Очевидно, такому же бессердечному, как ты.

– А ты еще кто? – неуверенно спросил мясник.

Странник молчал.

– Я тебя спрашиваю, черт возьми, ты кто такой?

И вновь нет ответа.

По улице пронесся ветер, качнув подвесной фонарь. Свет вздрогнул, моргнул и затрясся.

– Проваливай с моего двора, парень, пока я не вызвал полицию! – громко высказал Томаш. – Проваливай, или я за себя не ручаюсь!

Он рванулся к стене, где обычно висел его большой мясницкий топор, однако инструмента на месте не было. Сталь блеснула в противоположном конце хлева, в руках неизвестного.

Увидев это, мясник осекся и ахнул, его голос зазвучал прерывисто и приземисто:

– Ты, это... послушай, парень, давай договоримся: бери что нужно, и уходи, ладно?

Странник шагнул в его сторону.

– Что ты хочешь? – вздрогнул старик.

– Я хочу, чтобы ты кричал.

Черная фигура рванула в сторону мясника, сбила его с ног и возвысилась, точно обух топора над свиной. Твердая рука неизвестного вцепилась в шею Томаша и принялась вдавливать жертву в грязь. Старик вырвался из хватки и от ужаса закричал, но крик его разбился вдребезги от ударов, звонких, тяжелых, словно по камням били копытами.

Глава 9: Про психов и полицейских

Соседка мясника Тамара Помалинова, живущая в доме напротив, была известна в узких кругах начальников дежурных частей, как «профессиональная потерпевшая». Ее звонки, поступавшие чаще всего среди ночи, могли взбудоражить разве что новых дежурных. Те, кто проработал более полугодом, уже с легкостью могли узнать ее по голосу, услышав лишь пару фраз. В большинстве случаев она сыпала жалобами на шум, мешающий спать, а иногда и на общество в целом. В конце концов, дежурные, привыкшие заниматься куда-более важными делами, перестали воспринимать ее всерьез.

В этот раз Тамару встревожил не шум, а яркий свет с противоположного двора – это среди ночи горел фонарь над хлевом мясника Томаша.

– Обещал же выключать, – недовольно бросила она, глядя в окно, и потянулась за телефоном, стоявшим на прикроватной тумбочке. – Ох, сейчас я задам тебе трепку.

Она принялась крутить телефонный диск, но вдруг услышала отдаленный металлический скрип дверей, ведущих во двор мясника Томаша. Этот звук Тамара ни с чем не спутает. Но ведь он по ночам со двора ни ногой, подумала она.

Насторожившись, она приглушила свет лампы. Со двора напротив вышел мужчина, одетый в темный наряд и остановился в тени. Тамара поняла, что это не сосед – он был выше ростом, да и сложен иначе.

Некоторое время, притаившись, она наблюдала за ним сквозь щели занавеса. Незнакомый поправил галстук, причесал волосы, после этого некоторое время бесцельно стоял. Тамара не видела его глаз, но вдруг почувствовала, что смотрит он на нее.

Она пригнулась, дотянулась до телефона. Номер мясника Томаша не отвечал. Набрала полицию и настороженно выглянула в окно. Улица пустовала, и только шорох свиней, выходящих со двора мясника, нарушал тишину...

Начальник смены дежурной части Модранского отдела полиции устало проверял время. Часы показывали половину четвертого. Он тщетно пытался понять, ночь – это еще, или уже утро, но тяжелая голова отказывалась работать. За время с полуночи он успел принять 2 мелких грабежа, 2 нарушения общественного порядка и хулиганство. Смена обещала быть долгой.

Через несколько минут раздался звонок. Дежурный снял трубку, громко представился:

– Проволожный, дежурная часть.

На том конце замешкались, затем старческий голос произнес:

– Это Тамара Помалинова, из Модран.

Скептически настроенный дежурный тяжело вздохнул.

– Пани Помалинова, что у Вас на этот раз стряслось?

– Кажется, моего соседа только что ограбили.

– Вы видели грабителя, или, быть может, как он выносил вещи?

Она что-то неразборчиво проямлила.

– Пожалуйста, громче! – рявкнул дежурный.

– Нет, не видела, но только что из его двора вышел подозрительный мужчина.

– Что же в нем было подозрительного?

– Во-первых, он весь черный.

– Черный? Как афроамериканец?

– Нет же, – занервничала она, клацая вставными зубами. – Он был одет во все черное.

Во-вторых, мясник Томаш не поднимает трубку.

– А что, если он просто спит, как и все нормальные люди?

Она вдумчиво замолчала. Пользуясь этим, дежурный убрал на несколько секунд трубку от лица. Ему это все надоело. Он невольно улыбнулся, но в улыбке его сквозила тоска и беспомощность.

– Послушайте, – сказал он нарочито громко, чтобы она расслышала с первого раза. – В прошлый раз Вы точно так же сказали, что Ваших соседей грабят посреди ночи, вынося вещи на улицу. Помните? Мы выслали к Вам машину, и что в итоге? Оказалось, что они всего-навсего устраивают переезд.

– Да, но мне показалось, что...

Дежурный ее перебил:

– И если в первый раз Вас поблагодарили за бдительность и простили ложный вызов, то в этот раз Вас точно накажут.

– Как?

– Как, как – в тюрьму посадят, – засмеялся он. – Шутка. Выпишут денежный штраф.

Помалинова вздохнув, решила идти до конца.

– Если Вы сейчас же не направите машину, я буду жаловаться. Я уверена, что у соседа произошло нечто плохое.

– Пани Помалинова, есть такая поговорка: «Никогда не суди о порядочности своего соседа по себе».

«Я тоже знаю одну поговорку: «Иди к черту!» – подумала она, но высказывать мысли вслух побоялась.

– Вот что я Вам скажу, – продолжил он, бросив на стол карандаш. Его ладонь резала воздух в такт каждому слову короткими движениями вверх-вниз. – Ложитесь спать, а завтра утром зайдете к мяснику, и если увидите что-то подозрительное – тогда и поговорим предметно.

Проволожный повесил трубку, потер свой морщинистый лоб. Откинувшись на спинке кресла, он обнаружил, что свет установленных накануне люминесцентных ламп придает потолку голубоватый оттенок. Представив недоумение на лице Помалиновой в момент выписки ей штрафа, он, не сдержавшись, расхохотался. Возможно, все-таки стоило отправить наряд, чтобы усмирить ее на какое-то время.

Якуб Троицкий начальник смены дежурной части отдела полиции центра вступил в должность всего неделю назад, потому не успел привыкнуть к бессонным ночам и подремывал на рабочем месте в перерывах между звонками. Благо смена выдалась спокойной. Никаких списков «профессиональных потерпевших» у него еще не имелось, даже более – он и ведасть не ведал, что подобные списки существуют. Когда поступил очередной звонок, Троицкому понадобилось несколько секунд на то, чтобы вернуться в рабочее русло. Сделав несколько легких хлопков по своим щекам, он снял трубку, но представиться не успел.

– Аллю, это полиция центрального района? – зазвучал старушечий голос.

– Э-э-э, да. Что у Вас случилось?

– Вас беспокоит Томара Помалинова из Модран. Моего соседа ограбили.

– Из Модран? – удивился дежурный и мысленно представил карту города. – Я понял, не кладите трубку. Сейчас я соединю Вас с отделом Вашего района, и там помогут.

– Стойте! – крикнула она неожиданно и так громко, что Троицкий невольно отдернул трубку от лица. – Я только что звонила в свой район и дежурный меня послал.

– Одну минуту.

Троицкий свободной рукой нарыл на столе список фамилий дежурных всех районов на текущую дату. Ему вспомнились курсы бесплатной психологии и одну теорию, которую на них озвучили: можно составить более-менее точный портрет человека, имея на руках лишь его фамилию.

– Проволожный, – прочитал он, и в голове всплыл образ худощавого долговязого мужчины с жидкими волосами, похожими по текстуре на стальную проволоку. Теперь ему стало понятно, почему те курсы не пользовались широким успехом.

– Да, именно этот дежурный отказался принимать у меня заявление, – подтвердила Помалинова.

– И почему?

– Посчитал его ложным.

В дежурной части Центрального района стоял регистратор речевых сообщений – стационарный магнитофон, фиксирующий все телефонные разговоры. В Модранах такой лишь собирались установить, и подтвердить, что Помалинова звонила в их дежурную часть, было нечем, потому отказ принимать заявление в Модранах не так опасен, как в центре.

«Может, Проволожный знает что-то, чего не знаю я?» – подумал Троицкий. Взвесив все за и против, он сказал в телефон:

– Пани Помалинова, Вы знаете, что за ложный вызов полагается штраф?

– Да, мне прекрасно дали это понять.

– Что ж, я направлю машину. Диктуйте адрес.

Криминалист Павол Ласкин в тщетной попытке вздремнуть, укрылся пальто и откинулся на пассажирском сидении служебного Форда, пока его штатный водитель колесил по проселкам окраины города. Имея в роду итальянские корни, Ласкин никогда не стеснялся выражать недовольства, поэтому, услышав в автомобильной рации голос дежурного, произнес вслух несколько бранных слов.

– Ласкин, слышишь? Ответь! – настаивал Троицкий.

– Да, черт возьми, слышу, – пробормотал он, или лишь после надавил на клавишу передатчика. – На связи.

– Мне нужно, чтобы ты проверил один адрес, в пяти минутах езды от тебя.

Ласкин недовольно посмотрел в потолок.

– Я устал и хочу спать, надеюсь, там будет кровать.

– Там ограбление.

– Ограбление, я не ослышался? – он удивленно переглянулся с водителем. – Какое отношение к этому имею я? Направь группу.

– Есть вероятность, что вызов ложный, просто поезжай, да глянь что там. У группы есть дела важнее.

– Да, конечно, как и у меня, – сказал он, потирая большим пальцем глаза.

Троицкий вспомнил, как один руководителей сказал: «Это ты должен управлять дежурной частью, а не дежурная часть тобой». Сделав глубокий вдох, он протараторил в передатчик:

– Езжай и не спорь, утром это будет подано в рапорте.

– Ладно, – недовольно ответил Ласкин. – Диктуй адрес.

Не успела полицейская машина остановиться возле указанного места, как потерпевшая Тамара Помалинова выбежала на дорогу, за малым не сев на капот.

– Осторожнее, – крикнул криминалист водителю. – Не хватало нам еще задавить кого-нибудь.

– Как думаешь, это она нас вызвала?

– Наверное. Нормальные люди ведь спят по ночам, – и немного подумав, добавил. – Не спят только психи и полицейские, что приезжают на вызовы. Психи и полицейские.

– Все, или ничего, – многозначительно произнес водитель.

– А это что значит?

– Так каждую смену: либо всю ночь спокойно, либо вызов за вызовом: либо ничего, либо все сразу.

Они покинули машину, не глуша двигатель. Помалинова, одетая в домашний махровый халат и тапочки, успела замерзнуть, но проявила упорство и стойкость.

– Вы быстро приехали, – сказала она, переминаясь с ноги на ногу. – Но почему Вас только двое?

Ласкин легонько похлопал ее по плечу, словно они были знакомы.

– Я вообще криминалист, если что. Но Вы не переживайте, подкрепление уже в пути, лучше скажите: что, где и когда у Вас украли.

– Не у меня, а у соседа.

– А где сам сосед?

– Понятия не имею, – она опустила взгляд и погладила отворот халата, попрыгала на пяточках.

– А грабитель?

– Видела, но не разглядела.

Криминалист цокнул, покачал головой.

– Ладно, показывайте его дом, сами спросим.

– Вот этот, – подняла она руку и указала на ближайшие ворота.

– Как его зовут?

– Томаш, он мясник.

– Пани Помалинова, Вы пока побудьте в машине, погрейтесь, только ничего не трогайте, а мы проверим, – он позвал за собой водителя жестом руки.

– А без меня ты не справишься? – спросил водитель, но Ласкин ничего не ответил. Он был занят поиском звонка или чего-то похожего на звонок. Ведущие во двор ворота были открыты. Над хлевом ярко горел высокий фонарь. Изнутри доносился шум возни. Будить соседей криками не хотелось, но иного выхода криминалист не нашел.

– Томаш, Вы слышите? Это полиция! Нас направили проверить все ли у Вас в порядке.

В ответ на его зов из темени хлева на свет вышла упитанная свинья. На ее розовой спине поблескивали пятна чего-то красного, липкого... Криминалист медленно провел взглядом от места, где она стояла, к своим ногам – множество следов от копыт, среди которых широко поставленные человеческие, внушительного размера.

– Что-то не так? – спросил водитель, видя смятение.

– Вы случайно не знаете, у мясника есть дома ружье? – спросил Ласкин у Тамары Помалиновой. Она пожала плечами. Он перевел взгляд на водителя. – Ладно, пошли.

– А что, если он ненароком в кого-нибудь из нас выстрелит? – спросил тот.

– Второй его арестует и получит повышение. Идем.

Продвигаясь к хлеву, Ласкин жалел лишь об одном: что не захватил с собой пистолет. Его рука машинально висела на поясе, где лишь изредка крепилась кобура. Он обнаружил, что не только спина у свиньи была красного цвета, но и следы, которые ее копыта оставили на снегу.

В самом хлеву свет не горел. На черном фоне виднелись далекие приземистые серые силуэты и один высокий посередине. Хрюкающие звуки, возня. Спертый запах, а на губах вкус меди.

Фонарь над хлевом словно нарочито освещал выключатель у входа. Криминалист протянул к нему руку и сглотнул. Готовясь либо развеять, либо подтвердить свои скверные ожидания, он поморщился и негромко произнес: «Все, или ничего». И зажег свет в хлеву.

К удивлению Тамары Помалиновой, полицейские покинули двор через минуту. Взгляды с их побледневших лиц смотрели в разные стороны, словно от увиденного им стало друг перед другом неловко.

Водитель облокотился на крышу машины и опустил голову.

– Вы нашли его? – нетерпеливо спросила она.

Ласкин кивнул.

– Что он сказал?

В ответ криминалист покачал головой, затем жестом руки попросил ее освободить место. Сев в машину, он взял в руки рацию и несколько секунд безмолвно смотрел куда-то вперед, в никуда. Затем произнес сдавленным голосом.

– Троицкий, это Ласкин, мы на месте.

– Нашли потерпевшего? Все в порядке?

– Да... нет. Кто у нас на убийствах? Поднимай всех.

– О, господи, что там произошло?

Ласкин взял паузу, перевел дыхание.

– Кто-то разделал мясника, как скотину.

В кабинете следователя царили тишина и покой. Кристоф Адлер удобно расположился на компактном диванчике, обитым войлоком, с кожаными вставками, который еще месяц назад притащил из комнаты отдыха для посетителей. Благо, пропажей мебели пока еще никто не интересовался.

До установленного графиком отпуска остался день. Не привыкший к незакрытым делам Адлер задержался на работе допоздна, чтобы закрыть долги и в этот день так и не смог покинуть отдел.

Его сон прервал громкий трезвон. Поначалу он решил, что находится дома и слышит будильник, протянул руку, чтобы его потушить, и едва не свалился с дивана. Еще несколько секунд ему потребовалось, чтобы подняться. Направляясь к звенящему на столе телефону, он несколько раз произнес про себя: «Я не сплю».

– Адлер! – громко сказал он в трубку и беззвучно зевнул.

– Это Троицкий. В Модранах труп, собирайся, бери машину и в путь, тебя на месте встретит криминалист.

– В Модранах?

– Долгая история. Приедешь, составишь протокол, начнешь делопроизводство, утром отправишь дело в местный отдел и свободен.

– Знаю я Ваши передачи, – недовольно пробормотал Адлер. – Кто начал, тот и заканчивает.

Он прибыл на место к половине шестого утра. В отличие от центра города, преисполненного суетой днем и ночью, на его окраинах все безмолвствовало, точно кто-то включил режим тишины. Слышался лишь лай дворовых собак, встревоженных незваными гостями.

Криминалист Ласкин встретил Адлера, сидя в машине, выставив из приоткрытой двери одну ногу на снег. Адлер с усмешкой посмотрел на его лакированные туфли, они показались ему вычурными и излишне фривольными. Водитель сидел рядом, молча уставившись в рулевое колесо с надписью «Форд». На его губах висела незажженная сигарета.

– Ну, здравствуй, счастливчик, – сказал он с тоской, увидев следователя, и не покидая машину, протянул руку.

Адлер ее молча пожал, забрал с его губ сигарету, подул в фильтр и подкурил. Сделав глубокую затяжку, он вдруг вспомнил, что не курил уже сутки. Его голова пошла кругом.

К ним подошла любопытная свинья. Удивленный следователь поздоровался и с ней.

– Что у Вас? – спросил он сидящих в машине, склонившись к окну.

– Мертвец, – отозвался Ласкин, показывая рукой на двор. Прикрытые ворота подпирали подбитый ногами снег. – Похоже на какой-то сюрреализм.

– Сюрреализм?

– Направление такое в искусстве, где лично мне ничего не понятно.

– Какой еще сюрреализм? Не забивай мне голову ерундой. Я уже замерз, а судя по количеству окурков у машины, ждете меня Вы уже давно, так что, – он развел руками, отступая в сторону дома, – пошли.

Ласкин неторопливо выбрался из машины и зашаркал по снегу. Зайдя во двор, он сказал:
– Знаешь, я, может, и выгляжу молодо, но в жизни навидался всякого, и такое встретил впервые.

Адлер вспомнил, как на одном из банкетов Ласкин, или кто-то очень на него похожий, расхваливал себя, рассказывая о работе, и подумал, что на деле криминалист оказался не таким уж и крутым. Ощущая себя в его компании бо́льшим реалистом, он скептически спросил:

– Вы хоть пульс проверили?

– Нет.

– Знаешь, сколько раз я встречал «мертвецов», которые, стоит лишь до них дотронуться, как тут же вскакивают и убегают по кривой пьяной линии, бросаясь матерными словами?

– Ты завтракал?

Адлер на секунду остановился, бегло взглянул на часы.

– Обычно у меня поздний завтрак, чаще всего, это ужин.

– Это хорошо, – сказал Ласкин, встав перед хлебом.

Изнутри доносился едва слышный монотонный трещащий звук. Следовательно некоторое время вслушивался, пытаясь определить источник звука.

– Здесь были следы, – продолжил криминалист, – но их уже замело снегом. Я принорочился включать свет, так что фонарик не понадобится. Хорошо хоть свиньи вышли, правда, некоторые умудрились выбежать и на улицу.

Не отводя взгляда от Адлера, внимательно изучающего темноту внутри, он клацнул выключатель. Адлер вздрогнул. Его руки невольно подпрыгнули вверх, а ноги шагнули назад. Сонные глаза пробудились и застыли на фигуре человека, подвешенного за ногу к поперечной балке напротив столба, у которого забивали скот. Другая нога покойника нарочно согнула и приставлена ступней к колену, образуя подобие четверки. Загустевшая кровь пропитала одежду и свисала нитью с опущенных рук до самой земли. Из-за нее первоначальный цвет рубашки определить было невозможно. Находящаяся прямо над телом череда болезненно-желтых ламп освещала его с ног до головы. Трещащий звук издавал трущущийся о балку мясницкий крюк, с помощью которого мясника и подвесили.

Отвернувшись, Адлер почувствовал, как в его животе все скрутилось, но виду подавать не хотел. Опустив глаза, он несколько раз глубоко вздохнул, затем достал и подкурил сигарету.

– Пойдешь пульс проверять? – саркастично произнес Ласкин. – Честно говоря, я даже не уверен, что это мясник Томаш – ведь от его лица ничего не осталось, так что опознать будет не просто.

– Возможно, в картотеке есть его пальцы.

– Ага, лучше попроси их у свиней.

Адлер не до конца понял, что имеет в виду криминалист, но не решился уточнять о каких пальцах идет речь.

– Соседи?

– Только одна, да и то, не в своем уме. Говорит, что видела черного мужчину, одетого во все черное с черными глазами и все такое. По ее словам, он покинул двор то ли со стаей свиней, то ли верхом на свинье... я так и не понял, – сквозь хриловатый смех он добавил. – Чую, протокол выйдет что надо!

Адлер достал блокнот с ручкой и нехотя вошел внутрь.

– Когда Вы приехали, свет был включен?

– Нет.

– Нужно снять отпечатки с выключателя. Надеюсь, Вы его не весь облапали. «Он мог специально выключить свет», – произнес он последнее тихо, точно говорил самому себе. – И специально оставить двери открытыми, но зачем?

«Выключатель, крепежи, балка», – записал он в столбик в блокнот.

Что еще?

Он аккуратно обошел дорожку, ведущую от тела к выходу, добавил в блокнот: «Следы ног». Углубившись внутрь спиной вперед, внимательно высматривая следы на полу, вдруг обнаружил себя уткнувшимся в столб для привязи перед забоем. Мясник находился совсем рядом, полицейский чувствовал этот запах места убийства. И подобно человеку, стоящему на краю обрыва с нетерпимой жадностью посмотреть вниз, даже если из-за этого можно сорваться, Адлер повернул голову к бездыханному телу и тут же отвернулся.

Ласкин, услышав кашель, заглянул в хлев.

– Все в порядке? – спросил он.

– Просто чудесно!

Кончики пальцев мертвеца отсутствовали. От запястий до земли тянулась порванная веревка.

«Пытал перед смертью, – записал Адлер в блокнот, и немного подумав, поставил знак вопроса. – Или связал после убийства? Зачем?» – и дважды подчеркнул.

Внимание привлекло нечто тонкое и извилистое, находящееся в замерзшей луже крови, кожи и волос, прямо под телом. Сверкающая полоска золотистого цвета. Почувствовав себя вороной, испытывающей слабость ко всему, что блестит, он поддел предмет кончиком ручки, поднял на уровень глаз: золотая цепочка с деформированным крестом.

«Почему ты согнут? – тихо сказал Адлер и осторожно поднял ворот рубашки мясника. В ту же секунду его настигло смятение: на шее ярко выраженные следы от удушения правой рукой, которые не спутать ни с чем. Точно такие же он видел полгода назад у парня, что пытался покончить жизнь самоубийством под Карловым мостом. – Это невозможно. Бессмыслица».

За спиной послышался неуверенный голос Ласкина:

– Там репортеры приехали. И откуда они все знают? Звонил Пчинский, сказал срочно закрывать двери в хлев, чтобы фотографии не снимали. Тут как раз светает, а с улицы обзор ого-го! Надеюсь, ты не против, – не дожидаясь ответной реакции, он взялся за край массивной двери и потянул ее на себя.

– Стой! – слишком поздно крикнул Адлер. Дверь захлопнулась, оградив комнату от неяркого света, идущего с улицы, в ту же секунду замолкли и лампы на потолке, оставив полицейского в темноте с мясником один на один.

Подбежав к двери, забыв об отпечатках, он взялся за рукоять и дернул ее на себя. Дверь не поддавалась. Тогда он закричал.

– Ласкин, ты здесь?

– Да, что?

– Чертов придурок, свет включи!

Послышался звук клацающего выключателя.

– Заработал?

– Нет!

– Черт! Кажется, я провод дверью задел. Тут все на честном слове держится. Одну секунду, попробую открыть, – он толкнул двери, навалился так, что вся стенка заходила ходуном. – Не получается, боюсь обрушить этот сарай. У тебя фонарь с собой?

– Да.

– Посмотри, там нет задвижки?

Адлер достал фонарь дрожащими руками, осветил на дверь в упор.

– Нет тут ни черта!

– Ладно, держись, я сейчас схожу к машине, у водителя должен быть инструмент, – через дверь послышался смешок. – А ты пока никуда не уходи.

– Недоумок, – тихо произнес Адлер и почувствовал, как на ладони от соприкосновения с дверью осталось что-то липкое. Поднес ее к фонарю – кровь. Направил свет перед собой – на

внутренней стороне двери и части стены, которую она закрывала, оказался какой-то рисунок. Полицейский медленно пятился, пока луч фонаря не осветил изображение полностью: круг, диаметром в полтора метра, а в центре – еще два небольших, расположенных в линию, очень близко друг к другу. Красный поросячий пятак.

После нескольких лет службы следователь был с мертвецами на короткой ноге, но к темноте так и не смог привыкнуть. К темноте звенящей, манящей, пьянящей и в данный момент что-то кусающей... Затаившийся до этого в загоне поросенок вышел, подошел к Томашу и попытался ртом дотянуться до его пальцев. Чувствуя, как ему становится все хуже и хуже, Адлер оперся на стену, согнулся. Его глаза непроизвольно закрылись. Около минуты пытался привести мысли в порядок, но безуспешно – ему хотелось убежать подальше отсюда.

Буйный ветер завывал в щелях. Во тьме ритмично трещал мясницкий крюк с подвешенным тяжелым телом. На мгновение следователь представил, что это мясник нарочно раскачивается, стараясь освободиться. Какой бы глупой и детской не казалась эта мысль, едва она появилась, избавиться от нее уже было невозможно. Оставшееся до прибытия помощи время ему пришлось выбирать между тем, чтобы светить фонарем на бездыханное тело и убеждаться в том, что оно неподвижно, или же погасить свет и, вслушиваясь в скрип, оставаться в неведении с надеждой на лучший исход.

Глава 10: Сосед

Отпирая двери хлева с помощью домкрата и лома, Ласкин и не думал, что Адлер пребывает в ярости. Выскочив на улицу, следователь схватил обидчика за грудки, прижал его локтем к стенке и сквозь зубы сказал:

– Еще раз закроешь меня без света – в снегу закопаю.

Послышался щелчок затвора фотоаппарата – это журналист, ловко просунувший руку между перекрытиями забора, успел сделать один замечательный снимок.

– Тише, тише, – сказал Ласкин. – Ты же не хочешь неприятностей? – в голосе звучало не столько предостережение, сколько угроза.

Увидев жадные глаза репортеров, жаждущих продолжения, Адлер отпустил криминалиста. Испытывая неловкость, поправил ему ворот и отступил назад. Дождавшись, когда посторонние перестанут на них смотреть, он спросил:

– В каком доме живет свидетельница?

– Напротив. Опросом уже занимается участковый.

– Я хочу сам поговорить.

Солнце всю игруло лучами на окнах домов. Прибывшие полицейские создали оцепление, оттеснив назад стаю зевак. Из домов выходили соседи, расспрашивая друг друга. Ничего необычного. Адлер знал, что журналисты, не получив информации от полиции, обязательно пойдут к свидетельнице и сделают статью на основе ее предположений. А значит, не исключено, что завтрашний заголовок будет гласить: «Маньяк покинул место преступления верхом на хромой свиной». Ему захотелось узнать, что же на самом деле она увидела.

Стараясь держаться подальше от знойной толпы и избегая встречных взглядов, он нашел того самого участкового, взял у него листок со свидетельскими показаниями и вильнул к дому Тамары Помалиновой, постучал в дверь с надеждой, что она не успела лечь спать.

Уставшие глаза Помалиновой взвесили его через приоткрытый дверной проем.

– Я из полиции, – показал он удостоверение. – Мне велено вести расследование по поводу убийства Вашего соседа.

– Я уже все рассказала кому-то из Ваших, – постаралась увильнуть от разговора она.

– Да, я уже ознакомился с Вашими показаниями, – соврал Адлер. – Но мне хотелось бы уточнить пару вопросов.

После прохлады улицы складывалось впечатление, что отопление в ее доме накручено на полную мощность. Если бы не снег в окне, можно было бы предположить, что на дворе жаркое лето. Сама Помалинова оказалась приземистой хрупкой старушкой. Одета в легкий халат, она шаркала мелкими шажками по паркетному полу. Поступь ее и без того легких шагов приглушали мягкие домашние тапочки.

Адлер снял куртку. От предложения повесить ее в гардероб отказался, предпочитая всегда иметь свои вещи при себе.

– Итак, что Вы хотели узнать помимо того, что я уже рассказала?

Одним глазом он заглянул в протокол. Почерк участкового оставлял желать лучшего, потому сразу определить суть показаний невозможно. На самом деле Адлер и сам не до конца понимал, зачем явился. Он оказался здесь интуитивно, а не по велению здравого умысла.

– Ой, где же мое гостеприимство? Вы только с холода, как насчет чая? – заботливо улыбнулась она.

– Я бы не отказался, – согласился он лишь для того, чтобы выиграть немного времени.

Пока она готовила напитки, он уселся на мягкий глубокий диван и мысленно подметил: неплохо было бы прикупить такой и себе. Рассматривая ее показания, он поймал себя на мысли, что описание предполагаемого преступника слишком скучное, и едва ли как-то поможет: не

было указано ни возраста, ни роста, ни каких-то внешних отличительных черт. То ли она, действительно, не смогла его разглядеть, то ли участковый схалтурил. Зато она не упустила возможности зафиксировать тот факт, что первый дежурный, которому она позвонила, отказался высылать к ней наряд. Участковый, заполнявший эти бумаги, не показался Адлеру идеалистом и мог бы опустить такого рода подробности, поскольку для упомянутого дежурного подобное грубое нарушение могло иметь необратимые последствия.

Помалинова вернулась через пару минут, постукивая чашками на блюдах. Подняв глаза, следователь увидел в углу против себя фигуру бассет-хаунда, выполненную в полный рост из папье-маше.

– Собака смотрится, как живая, – заметил он, отпив чай. – Ваша работа?

– Нет, – ответила она, погладив пса по бумажной шерстке, и улыбнулась. Из-за сонливых глаз ее улыбка казалась блаженной и напоминала выражение лица, какое можно увидеть у наркомана во время прихода. – Я купила ее на ярмарке. Мой покойный муж запрещал заводить мне собак – говорил, у него на них аллергия. Я сомневалась в этом, но спорить с ним было бесполезно.

– Могу ли я уточнить у Вас, какого роста был тот неизвестный, которого Вы видели ночью?

Она вдумчиво потерла щеку.

– Кажется, он был очень высоким.

– Насколько?

– Не знаю, может, как Вы, или даже выше.

Адлер не учел тот факт, что для свидетельницы высокими, скорее всего, кажутся все. Сам он с трудом дотянул до 170 см, потому на звание высокого претендовать не смел.

– А Вы, случайно, не видели его раньше?

– Нет.

– А куда он направился?

– Знаете, в какой-то момент, показалось, что он смотрит на меня, хотя глаз его я не видела. Он и сам находился в тени, но его глаза – они как черные дыры, понимаете?

Следователь кивнул, хотя и не представлял, о чем идет речь.

– Я испугалась, – продолжила она, – спряталась, а когда снова выглянула в окно, от него уже и след простыл.

– А мясник Томаш не говорил Вам незадолго до трагедии о каком-то возможном визите, может, он кого-то ждал, или с кем-то открыто конфликтовал?

Она покачала головой и сказала:

– Нет. Мы с ним не общались толком, лишь изредка перебрасывались словами в силу необходимости, да и общих тем для разговора едва ли с ним можно было сыскать. Видите ли, здесь многие считают, что, – на секунду она замолкла с открытым ртом, стараясь придумать альтернативу слову «псих», – что у него имелись старческие проблемы с головой.

– Вы не знаете, остались ли у него родственники?

– Не имею понятия.

Глубокий вдох Адлера перешел в долгий зевок. Он повертел протокол, сложил его пополам и убрал в куртку. Полицейский уже готовился встать, распрощаться и отправиться обратно в хлев к Томашу, как неожиданно для себя, не рассчитывая на ответ, спросил:

– А Вы, случайно, никогда не слышали, – помешал он рукой воздух перед собой, подыскивая подходящие фразы, – о Темном человеке, или Черном человеке? Как-то так...

Он остановил поток рассуждений, увидев, как Помалинова побледнела. Добродушие с ее лица испарилось.

– И жил по ночам под мостом человек, – она вздохнула и крепко сжала холку бумажной собаке. Следующее она произнесла уже шепотом. – И звали его Карел Дворжа́к.

– Карел? Дворжак? – переспросил Адлер по отдельности, не смотря записывая имя в блокнот.

– Да, – ответила она, пронзив его взглядом. – А еще его звали «Модранский психопат».

Следователь пометил и это. В голове его прозвучали слова, которые стоило бы сказать: «Если Вам не хочется вспоминать, то мы могли бы обсудить это в другой раз». Но едва он прокрутил их, как понял: не узнав правды, уснуть не сможет.

– Не расскажете подробнее?

Она тревожно кивнула.

– Расскажу, раз Вы настаиваете, только при одном маленьком условии: никому не говорите о том, что сейчас случится, – с этими словами она вылила остатки чая в вазу с цветком, достала из тумбочки бутылку с ликером и наполнила им кружку. – Вы же хороший мальчик, верно?

Адлер скитался между тем, что ему делать: смущаться от комплимента, или переживать.

– Обычно я не пью без повода, – добавила она. – А Карел Дворжак – это всегда хороший повод выпить. Прошло уже 30 лет, а я до сих пор помню всё. Людям свойственно запоминать только то, что их касается. Бывает, открываешь газету с утра и видишь: «Маньяк замучил ребенка», а то и еще что похуже, и думаешь: «Какой ужас!», но к обеду все забывается. Другое дело, когда, читая подробности, сталкиваешься с чем-то страшнее, чем убийство незнакомых тебе детей, – она прервалась, сделав глоток из кружки. – Вы уж поверьте: хуже информации о том, что твой сосед стал жертвой маньяка, может быть лишь информация о том, что маньяк – твой сосед.

– Так он жил неподалеку?

Она показала в сторону.

– Совсем близко, вон там, в конце улицы. Помню россыпь сине-красных ламп у его дома, и эти звуки полицейских сирен. И как встревоженно дочь сказала: «Господи, что случилось дядей Карелом?» А когда из его двора вынесли завернутое в простыни тело, я закрыла ей ладонью глаза, но сама не смогла оторваться.

Адлер посмотрел в окно, но дальше дома мясника Томаша ничего не нашел. Приподнялся, вытянувшись, внимательнее изучил окрестности – безрезультатно.

– Что случилось с его домом? – спросил он.

– Его сожгли, а то, что не сгорело – закидали мусором и камнями. Полгорода из ума выжило, узнав о случившемся.

– Но не Вы? – подметил он, наблюдая ее недовольство.

Она успокоилась и продолжила:

– Многие, увидев впервые его фотографию заявили: «Немудрено! Сразу видно, что человек ненормальный!» А вот я ничего такого не замечала. Для меня он всегда был добряком дядей Карелом, который позволял срывать яблоки в его саду. Тем, кто не ругал детей, разбивших по глупости ему окно. В конечном счете, и мне пришлось принять правду, сколь горькой она не казалась: если Карел Дворжак превратился в монстра, в «Модранского психопата», значит, на это способен и любой другой.

Адлер внимательно выслушал ее рассказ, сделав несколько пометок в блокнот. Увидев, как она опечалилась, сам того не желая, тоже поник головой.

– А почему его называли «Черным человеком?»

– Это произошло уже после его задержания: одни утверждали, что встречали его на остановке, терпеливо ждущим автобуса на Каморанской, – ее голос не дрогнул, но глаза наполнили слезы, – вторые видели в закуской перед въездом в Карловы Вары. Некоторые говорили, что Дворжак был тайным агентом, и что его отпустили, другие – и вовсе что полицейские опростоволосились, задержали не того, – всхлипнула она. – Простите...

Следователь достал из кармана платок, протянул ей.

– Спасибо, – поблагодарила Помалинова, протерев щеки. – Но чаще всего можно было услышать, что его видели на Карловом мосту, в непогоду, бесцельно стоящим и смотрящим вниз. Черный человек – так его назвал один местный ансамбль в 70х. Сочинили песню, выступили на паре концертов, но люди их творчество не оценили. Мало кому понравится композиция, воспевающая «подвиг» маньяка. В итоге группа распалась, а песня их жила еще долгое время, правда я только одну строчку помню: «И жил по ночам под мостом человек». Спустя годы это имя стало нарицательным: увидел Черного человека – жди беды, а случилась беда – значит, Черный человек в гости заходил.

Она потеряла сухие руки, отвела взгляд и о чем-то задумалась.

– Пани Помалинова, Вы хотите меня о чем-то спросить?

Она скромно качнула головой.

– Что ж, – произнес Адлер, – тогда я вернусь к своей работе. Благодарю Вас за информацию и гостеприимство. Да, и вот еще что, не знаю, говорил участковый, или нет – если к Вам обратятся журналисты, будьте любезны, не рассказывайте им ничего, пока идет следствие.

– А мне за это что-то полагается?

– Только устная благодарность от меня и от всей полиции... в моем лице.

Помалинова проводила Адлера до двери, но едва он вышел на улицу, как она заговорила:

– Я помню, что в суде Двожрака обвинили в 2х убийствах, а ведь тела остальных девочек так до сей поры и не найдены...

– Что Вы имеете в виду?

– Я как-то услышала, будто бы он их съел. Как думаете, это правда?

– Кого? – с отвращением спросил Адлер.

– Женщин, – шепотом ответила она и дважды перекрестилась.

– О, Господи! Пани Помалинова, где Вы это берете?

– Как где: по радио, или в газетах – уже и не вспомню.

– Настоятельно рекомендую меньше верить этим Вашим газетам и радио. Спите спокойно и будьте здоровы.

Добрую половину дня Адлер провел в хлеву. Он с особым вниманием замерил высоту балки, к которой подвесили жертву: рулетка показала два с половиной метра. Теоретически, убийца мог перекинуть веревку через балку и, используя вторую, как рычаг, поднять тело упитанного мясника на нужную высоту без особых усилий. Затем отрезать лишнюю часть веревки. Так было бы проще. Однако он не пошел легким путем и вместо веревки использовал мясницкий крюк. Представляя себя в роли убийцы, следователь пришел к выводу, что без лестницы тут не обошлось. Ближайшая мобильная лестница, которую удалось найти, находилась в доме. Адлер заставил Ласкина засыпать порошком для снятия отпечатков пальцев большую часть личных вещей покойного, чтобы идентифицировать его отпечатки, а затем и лестницу. К разочарованию обоих, на лестнице имелись только отпечатки мясника. Пыль на полу так же подтверждала, что лестницу не использовали несколько последних дней.

Прибыли кинологи. Взявшая непонятно чей след ищейка, убежала за дом к холодильной камере, однако внутри кроме свежей свинины ничего не нашлось.

Подозрительно четкие и глубокие следы туфлей в хлеву, оставленные убийцей, принадлежали мужчине с 47-48 размером ноги. Пытаясь воссоздать картину преступления, следователь пришел к выводу: либо убийца очень высокого роста и хорошо развит физически, либо очень старается показаться таким.

Вернувшись в отдел к концу дня, следователь спустился в прозекторскую. Патологоанатом Феликс Гилевский в силу привычки встречал его с «легкой улыбкой» – так говорил он сам. На деле эта гримаса напоминала нечто среднее между прикусом зайца и собачьим оскалом.

– Уже удалось что-нибудь выяснить? – спросил он, стоя возле стола с телом покойника.

– Пока только то, что хоронить мясника будет в закрытом гробу.

– Что ж, очевидно, это не дело рук борцов за права животных, верно? Адлеру не терпелось закончить беседу побыстрее, он перешел к делу.

– Хоть Вы меня порадуйте.

– Большая кровопотеря, потому что его подвесили за ноги, но причиной смерти послужили обширные травмы лицевой части головы. Да, и вот еще что, попробуйте, – ткнул он в лицо мяснику и предложил сделать то же самое следователю. – Да бросьте, в моей практике еще не случилось, чтобы пациент жаловался на неудобства.

Адлер быстро замигал глазами.

Прозектор, не дождавшись ответной реакции, продолжил:

– Острые сколы костей, следы оксида железа и гематита. Его били угловатым плоским предметом. Возможно, молотком, или...

– Обухом топора, – продолжил его мысль следователь.

– Вижу, Вы уже сами обо всем догадались.

– Соседи утверждают, что он забивал скот большим топором, однако, никакого топора или чего-нибудь визуально на него похожего обнаружить не удалось.

Гилевский развел руками, пожал плечами и с озарением произнес:

– Что ж, найдете топор – найдете убийцу.

– У Вас есть еще что-то для меня?

– Да, в отличие от следов удушения на шее, следы от веревки на запястьях появились после смерти.

– Выходит, он хотел, чтобы его нашли в таком положении, иначе навряд ли стал бы стараться, – и немного подумав, добавил. – А постарался он над ним хорошо.

Наступил поздний вечер. Бурое зимнее небо сменилось темно-синим ночным. Перечитывая составленный в хлеву конспект, Адлер наткнулся на странную запись: «Зачем ты это сделал?» – он по ошибке записал свои мысли вместе с деталями преступления.

Перед уходом, по требованию Генри Пчинского он составил отчет о проделанной работе и подал в письменном виде на стол начальнику. Сам же остался ждать в коридоре. Возможно, при других обстоятельствах, он не стал бы указывать в отчете намек на некоего мифического Черного человека и вполне реального маньяка Дворжак. Пчинскому не нравилось, когда кто-то упоминал уже закрытые дела. Но этот день выдался исключительно утомительным, и сейчас следователю было все равно. Глядя сонными глазами в стену перед собой, он думал лишь о том, что завтра начинается отпуск, а значит перед сном можно выпить.

Обернувшись, Адлер увидел лицо Пчинского, ждущего ответ. Следователю понадобилось несколько секунд для того, чтобы достать из памяти только что озвученный вопрос начальника.

– Что произошло между мной и Ласкиным? Пустяк, небольшая недомолвка. Ничего такого, о чем Вам стоило бы переживать.

Пчинский сглотнул, заглянул в отчет, потряс листами перед лицом следователя.

– Я прочитал этот Ваш... – он собирался сказать нечто неприличное, но сдержался, – что Вы мне притащили? Какой еще Черный человек, какой Карел Дворжак? О чем Вы пишете вообще? – сказал он на одном дыхании так, что к концу предложения захрипел. После ткнул пальцем в бумаги. – Что мне завтра в обед прессе сказать?

– Я записал то, что мне удалось узнать, – парировал следователь. – Я подготовил все материалы и наработки по этому делу для передачи в Модранский отдел.

– Зачем? – сыграл удивление Пчинский.

Адлер напрягся и неуверенно произнес:

– Я вчера Вам подал заявление на отпуск согласно графику. Вы его утвердили, помните? Начальник возмущенно выдохнул.

– Никаких отпусков, пока я не увижу реальных подвижек по этому делу от Вас лично, это ясно? У меня нет ни времени, ни желания с Вами сейчас спорить, понятно? Жду Вас завтра в отделе.

Глядя вслед уходящему начальнику, Адлер хотел про себя подумать: «Старый придурок», но его губы дрогнули и шепотом выпустили эти слова.

Пчинский остановился, обернулся и спросил:

– Вы что-то сказали?

– Нет, – тоскливо ответил следователь. – Вам послышалось.

Глава 11: Больница

Длинные коридоры клиники акушерства и гинекологии освещались холодным спокойным светом люминесцентных ламп. Дежурный врач совершал вечерний обход, проверяя своих рожениц и тех, кто уже стали матерями. Обычно дети стремились явить себя миру вне зависимости от времени дня, потому в больнице все шумело целые сутки, но этот вечер выдался спокойным на удивление.

Приемные часы для посетителей подошли к концу. Пожилая регистраторша Клара Волчкова уже собиралась домой, погасив свет на рабочем месте и сменив теснивший ее халат на более вольные одежды. Пока она спускалась по ступеням холла, ведущим прямым к выходу на улицу, в ее голове мелькали мысли то о внуках, то о пирогах, но мгновенно моргнувшие лампы заставили ее остановиться. В отражении стеклянных окон широких входных дверей она разглядела силуэт за спиной. Регистраторша обернулась к нему.

– Пани Волчкова, простите, что потревожил, – произнес вежливо молодой парень в форме, устало потирая лицо. Другой рукой он прижимал медкарту к груди. Низко посаженный чепчик прикрывал его глаза наполовину. Остальную часть прятали плотные медицинские очки.

– Ну, что еще? – поторопила она, видя его нерешительность.

– Я здесь совсем недавно, и никак не могу запомнить, где находится архив. Мне поручили вернуть карту одной из пациенток из 39й палаты.

Волчкова, работая у всех на виду, знала всех сотрудников в лицо, но этого парня вспомнить не смогла. Своим ростом и крепкими плечами он напомнил ей профессора Миллера, в которого по молодости она была влюблена во время учебы в университете, возможно потому, что и тот и другой выбирали одежду не всегда по размеру. Впрочем, знакомиться сейчас ей ни с кем не хотелось, она итак задержалась на работе на лишние полчаса.

– Вас направил пан Хомач? – спросила она. – Если так, то верните карту ему. У него тоже есть ключи.

– Я бы с радостью так и сделал, – сонным голосом ответил парень, – но Вы ведь знаете Хомача. Если можете, буду носить Вас на руках.

Вздохнув, она посмотрела на улицу.

– Давайте так: положите папку в регистратуру на стойку через окошко для передачи документов, а я с утра отнесу ее в архив с остальными. Мне по одной папке с моим-то варикозом и суставами носить на 4й этаж возраст не позволяет.

Санитар кивнул несколько раз и сказал:

– Вы просто золотце, пани Волчкова. Я приглашу Вас на неделе на ужин. Кстати, Вам никто не говорил, что Вы похожи на Линду Картер?

– Ой, да бросьте Вы, – немного резко ответила она, старательно маскируя свое смущение.

Регистраторша дождалась, пока санитар выполнит ее требования, и еще несколько секунд пристально наблюдала за ним, пока тот выбирал себе кофейный напиток, изучая скудное меню на аппарате. Выйдя из больницы, она, как в молодости, смахнула рукой волосы назад, и с поднятой головой направилась к себе домой, с улыбкой вспоминая профессора Миллера.

Дождавшись, когда она уйдет, санитар отошел от кофейного аппарата. Мелочи в его карманах все равно не было, да и одежда эта была не его. Перед тем, как продолжить поиск архива, он еще раз бросил взгляд на белоснежный халат Волчковой, аккуратно повешенный на спинку стула, на кармане которого крупными красными буквами была вышита ее фамилия.

Дежурный Хомач уже заканчивал обход и собирался, как он сам говорил, «вернуться на базу», как его привлек шум шагов, доносившихся с лестницы. Последний этаж отводился под лаборатории и архивы, потому в позднее время на нем никого не должно было быть. Поднявшись, дежурный к своему удивлению обнаружил санитаря, внимательно изучающего двери в

архив. Хомач знал, что некоторые из персонала брезгают выходить на улицу в холодное зимнее время, используя в качестве курилки окно коридора 4го этажа.

– Вам помочь!?! – громким и недовольным голосом спросил он, рассчитывая услышать в ответ привычные извинения и оправдания.

– Да, пожалуйста, будьте любезны, – ответил санитар.

Не ожидавший такого ответа Хомач решил: если просят – значит, действительно нужно. Он приблизился к санитару, тщетно пытаясь разглядеть за его повязкой лицо. Послышавшийся позади шум отвлек его на мгновение, но именно в этот момент дежурный ощутил в затылке острую боль, следом за которой и без того тусклый свет погас окончательно.

Черный человек придерживал за халат медленно стекающего по стенке дежурного для того, чтобы тот при падении не расшибся. Откинувшаяся пола халата обнажила пристегнутые к поясу карабином ключи.

– Наконец-то, – тихо произнес Странник и довольно улыбнулся.

В сознание Хомач пришел спустя какое-то время, обнаружив себя на полу. Ключи, которые он по привычке вешал на пояс, оказались в кармане. Он с трудом отыскал в себе мужество, чтобы открыть дверь архива, на ручке которой обнаружил капли воды. Бегло проверив, он решил, что ничего не похищено.

Для большинства своих знакомых, Хомач казался добрейшей души человеком, и мало кто знал, что фундаментом его доброты служит патологическая трусость и страх оказаться избитым. А ведь нападавший в значительной степени превосходил его в физическом развитии.

О произошедшем в ночь инциденте коллеги дежурного узнали лишь утром. К тому времени подозрительный санитар уже давно испарился.

Глава 12: Начальство

Открыв глаза после продолжительного сна, сквозь оконный занавес Адлер увидел свет восходящего солнца. Часы показали 7.30. «Еще рано, – подумал он и укрыл голову подушкой. Когда глаза открылись снова, наступило уже 8.40. – А теперь поздно».

Он прибыл в отдел в селекторный зал для совещаний к началу десятого. К тому моменту давно собравшийся персонал уже успел утомиться от лекций заместителя Уильяма Куроки и начальника Генри Пчинского. Для Адлера «радость встречи» с ними обоими одновременно по его персональной шкале эмоциональных расстройств находилась где-то между недосыпанием и похмельем. Он суетливо высматривал место, на которое можно было бы приземлиться, не привлекая к себе лишнего внимания, но задние ряды оказались заняты. Не только он старался держаться подальше от руководства, особенно от Куроки. Адлер растерялся. В следующую секунду их взгляды встретились. Заместитель, державший в руках свежие выпуски газет, не двигался и не моргал несколько секунд, затем выдал:

– Что случилось?

– Задержался, – сухо ответил следователь, старательно не отводя взгляда от собеседника.

– Задерживаются начальники, а Вы, молодой человек, опоздали, – он покосился на настенные часы. – Может, Вы уже сядете? Или мне Вам, как «новоиспеченному начальнику», уступить место?

Как опоздавший на урок школьник, которого ругает учитель, Адлер хотел было что-то ответить, но слова его завязли во рту. Он быстро зашагал вперед и уселся поближе.

– Полицейские не поделили труп, – зачитал Куроки название статьи и показал издали фото, на котором следователь прижимает криминалиста к стенке хлева. – Адлер!

Тот молча поднялся.

– Я уже в сотый раз говорю, – продолжил заместитель, – свое ребячество оставляйте за пределами работы. Полицейский должен быть примером, а не провокатором! И не дай бог мне узнать о конфликтах с гражданскими. Садитесь, я обязательно проведу с Вами беседу о пунктуальности и субординации. Далее: я слышал, что один из Вас в присутствии посторонних нашел в себе глупости назвать оставленный убийцей на стене хлева знак «двустволкой».

В аудитории послышались легкие смешки. Куроки сосредоточенно нахмурился.

– Надеюсь, вы понимаете, что за этим знаком кроется убийство? Я не требую уважения к потерпевшему, и мне плевать, как Вы будете называть эту мазню между собой или во внутренней переписке. Я требую профессионализма. А теперь все вон отсюда по своим делам. Брысь! – он небрежно махнул в зал рукой. – Адлер, а Вы подойдите.

Сотрудники отдела, едва слышно жалуясь друг другу, покидали аудиторию. Адлер выиграл несколько секунд, обдумывая оборону от возможных словесных атак со стороны начальства, затем выдвинулся к ним.

– Это Ваш отчет? – спросил Куроки, указывая на листы на столе. Конечно, формально он Ваш, поскольку на нем стоят Ваши автографы. Меня интересует, являются ли догадки по поводу Черного человека и маньяка-психопата Карела Дворжака Вашими наработками, или же Вас кто-то надоумил привязать этих двоих к убийству мясника?

Следователь пропустил короткие ряды волос на голове сквозь пальцы, прикусил губу и робко кивнул.

– Смелее, – настоял заместитель.

– Это мои наработки, пан Куроки.

В беседу ввязался начальник Пчинский.

– Вилли, я тебе еще вчера сказал: глупости, – не сдержавшись, он тихонько хихикнул и поставил прямо на отчет кружку с горячим мутным кофейным напитком. – Черный человек... Дворжак... ему бы сказки писать, а не вот это вот все.

Куроки бросил презрительный взгляд на начальника, затем на кофе, переставил кружку с отчета на стол и на выдохе сказал:

– Вообще-то, Адлер прав.

Решив, что это какая-то неуместная шутка, Пчинский улыбнулся, но, не дождавшись ответной реакции от заместителя, поспешил убрать улыбку с лица.

– Что? – спросил он.

Куроки так и не поняв, кто больше удивлен такому повороту: следователь, или начальник, вынул из материалов дела об убийстве мясника заблаговременно положенный наверх снимок с изображением красного пятака.

– Это вчера оставил неизвестный на стене хлева, – он открыл свой увесистый портфель и достал второй снимок, пожелтевший от времени и изрядно пошарпанный, с потрескавшимися краями. Положив его рядом с первым, сказал. – А этот снимок был сделан почти 30 лет назад на месте убийства одной из жертв Карела Дворжака, известного так же по прозвищу «Модранский психопат» и «Черный человек».

Адлер и Пчинский наклонились, сравнивая изображения. Фотографии отличались возрастом, но не содержанием. Пятаки выглядели идентично вплоть до мелких штрихов.

– Это абсурд, – заявил Пчинский.

Куроки это не остановило:

– Кроме того, мне известно, что покойный мясник допрашивался в качестве свидетеля во время судебного заседания по делу Дворжака. Жаль, но показаний я не нашел. Пока что.

– Когда это ты успел?

Заместителю удивление начальника показалось беспочвенным, потому особого внимания не заслуживало. Он лишь молча пожал плечами.

– Выглядит так, словно кто-то замечает следы, – заметил Адлер.

– С опозданием в 30 лет, – добавил Куроки. – Пан Пчинский, я прошу Вашего разрешения собрать группу для расследования этого дела, включив в нее Кристофа Адлера, – сказал он о следователе в третьем лице, словно находился с Пчинским наедине.

– Я бы не хотел делать поспешных выводов, – прервал его болтовню Пчинский. – Подумайте, как отреагирует пресса и люди; признать существование Черного человека – посеять панику. К тому же, Вы можете ошибаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.